

ЭРИКА О'РУРК

ДИССОНАНС

Эрика О'Рурк

Диссонанс

Серия «Настоящая сенсация!»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16716928
Диссонанс. Роман: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-102856-5*

Аннотация

Каждый наш поступок меняет мир.

Ведь каждый день, каждый час нам приходится совершать выбор – мелкий и крупный, значимый и не очень. И каждый из нас хоть раз задумывался: «А что было бы, если бы...?»

Если бы успеть. Если бы, наоборот, опоздать. Сказать. Промолчать.

Как часто мы об этом мечтаем – вернуться в прошлое и изменить свой поступок, пойти по другому пути... Но то, что для нас лишь несбыточные мечты, для шестнадцатилетней Дэл Армстронг – реальность. Она обладает редким даром – и при желании всегда может воочию увидеть, к чему приведет любой выбор и каковы будут последствия.

Однако именно этот дар и подводит Дэл: в попытках привлечь внимание самого красивого парня школы, спортсмена и сердцееда Саймона Лэйна она забывается и совершает серьезную ошибку.

Ошибку, которая может стоить и ей, и всем окружающим
очень дорого...

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	40
Глава 5	47
Глава 6	63
Глава 7	79
Глава 8	98
Глава 9	110
Глава 10	120
Глава 11	125
Глава 12	139
Глава 13	149
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Эрика О'Рурк

Диссонанс

Роман

*Посвящается Дэнни —
ради которого я поехала бы на край света,
и моим девочкам,
которые делают прекрасным мир,
в котором я живу.*

*Вначале была тьма, а затем раздался голос Господа. И выбрал Он свет, и мир разделился, и звуки нового мира усладили слух Его. Миры стали порождать друг друга, словно деревья ветви, и во всех в них была слышна Его песнь. И сделал Он своих любимых детей избранными, и даровал им свободу путешествовать по мирам, дабы они прославляли Его и дабы песнь Его была слышна повсюду.
Библия Путешественника. Книга Бытия; глава 1, стих 1-3*

Erica O'Rourke
Dissonance

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных

агентств New Leaf Literary amp; Media, Inc. и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Erica O'Rourke, 2014

© Перевод. А. Загорский, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Часть 1

Глава 1

Долг каждого Путешественника – сохранять целостность Главного Мира, Единственного Истинного Мира, породившего Мультивселенную, и защищать его от пагубного воздействия Эха. Чтобы быть Путешественником, требуются покорность, трудолюбие и способность идти на жертвы. Способность Путешествовать между мирами – одновременно и дар, и тяжкий крест, и эта книга поможет вам выбрать правильный путь. Примечание автора, Принципы и практика разделения, год пятый

Это был весьма неприглядный способ оставить память о ком-либо: две трухлявые планки наспех сколотили ржавыми гвоздями в виде креста и воткнули в землю в заросшей сорняками придорожной канаве. Имя написали от руки на поперечине черным, уже выцветшим фломастером. Увядавший, истрепанный букетик из гвоздик, маргариток и гипсофил, прислоненный к подножию нелепой деревянной конструкции, – вот и все.

Не слишком роскошно, скажем прямо, однако вполне достаточно.

Пожалуй, даже более чем достаточно, по моему мнению, которого, впрочем, никто не спрашивал.

Движение по двухрядной дороге на окраине городка было не очень оживленным, но поворот – на удивление крутым. В такой вполне можно не вписаться, если водитель не знает о нем заранее и недостаточно осторожен. Или слишком молод и непоколебимо уверен в том, что будет жить вечно. Держа рюкзак на плече, я спустилась в канаву, в которой крапива и репейник доставали мне до колена. Под ногами зачавкала грязь, но я не обратила на это внимания, прислушиваясь к гудению – оно означало, что я близка к цели.

В кармане у меня зазвонил телефон, но я, вместо того чтобы ответить, лишь запихнула его поглубже. Главное сообщение я уже получила – это произошло после обеда.

Дэл, это папа. Извини, что снова вынужден отложить наше Путешествие, но сегодня днем у меня срочная встреча в Совете. Мама говорит, задание у тебя запланировано на завтра, так почему бы тебе не...

Дослушивать до конца я не стала. Такое уже случалось много раз. В моей семье возникновение неких экстренных обстоятельств было обыденным явлением. У родителей вечно появлялись какие-нибудь проблемы, требовавшие немедленного решения. Кризисы, которые необходимо урегулировать в кратчайшие сроки. Дела настолько важные, что все остальное отменялось в сторону.

Я почти всегда выступала в роли «всего остального». Но в том, что тебя игнорируют, есть и свои плюсы. Например, вам забывают сказать «нет».

Цепляя на юбку головки репейника и увязая в грязи, я продолжала продираться вперед. Небо было затянуто тучами. В воздухе витал запах влажной земли, свидетельствовавший о том, что скоро снова начнется дождь. Я невольно подумала, что было бы неплохо вернуться обратно до того, как разразится гроза.

Задание оказалось достаточно простым: мне следовало добраться до расположенного неподалеку источника Эха, точно установить его местонахождение и вернуться домой. Подобное мне уже приходилось проделывать неоднократно, так что сопровождающие не требовались. Наверное, родители не согласились бы с этим утверждением, но если бы они действительно беспокоились обо мне, то нашли бы время отправиться со мной – как и планировалось.

Но, разумеется, я могла справиться и сама.

Проблема заключалась в том, что единственным человеком, кто верил мне и в меня, был мой дед. Когда другие ребята играли в парке в футбол или лазали по деревьям, Монти брал меня Путешествовать по иным мирам, которые росли из нашего мира, будто ветви – так была устроена Мульти-вселенная. Именно Монти впервые показал мне, как выбор того или иного решения в той или иной конкретной ситуации может создавать новую реальность – отражение мира,

где мы живем, еще не изведенное. Он научил меня переходить из одной реальности в другую, прислушиваясь к уникальной для каждой из них частоте звуковых колебаний и используя именно звук в качестве пропуска для пересечения невидимых границ между мирами. Я выросла под его шепот, раскрывающий мне секреты мироздания, и со временем стала улавливать Эхо так же легко, словно это был колокольный звон. От Монти я узнала об искусстве Путешествий больше, чем от своих родителей, сестры и Шоу, моей преподавательницы из Совета, вместе взятых.

Собственно, они были мне необходимы лишь для приобретения определенных базовых навыков. Нужен же мне был кто-то, кто держал меня за руку, когда я делала первые неуверенные шаги. Впрочем, сколько себя помню, мне всегда хотелось не ходить, а бегать.

Но теперь я могла передвигаться с любой скоростью и в любом направлении, которое мне заблагорассудилось бы выбрать.

Приблизившись к деревянному кресту, я вытянула руку вперед ладонью вниз и сразу же не только ухом, но и кожей ощутила тренькающий звук, будто кто-то пощипывал струну арфы. Я находилась в месте перехода, то есть перед воротами, или порталом, ведущим из одной реальности в другую. Расслышать этот звук мог бы лишь один человек из ста тысяч – да и то вряд ли.

Население Земли составляет более шести миллиардов че-

ловек, но только шестьдесят тысяч из них являются лицензированными Путешественниками. Девятьсот обитают в регионе под названием Чикаголэнд. Четверо – мои близкие родственники, и к лету я должна стать пятым членом нашей семьи, имеющим разрешение применять свой необычный дар без каких-либо ограничений.

Места перехода обычно легче услышать, чем увидеть, но на сей раз воздух в зоне пересечения дрожал, словно марево, возникающее над костром. Это понятно. Самые энергетически сильные переходы образовывались там, где выбор порождал неожиданные и очень резкие изменения. А что может быть более неожиданным и резким изменением, чем внезапная смерть?

Я осторожно скользнула в вибрирующий воздушный карман, чувствуя, как погружаюсь в другой, неизведанный мир. Ощущение диссонанса, обычно сопровождающего транзит, обожгло кожу холодом. С каждым шагом шум у меня в ушах нарастал, множество частот словно соревновались в попытках привлечь мое внимание. Переход напрямую связывает между собой всего два мира, но, очутившись внутри его, вы можете при желании оказаться в любом из ответвлений Мультивселенной. Чтобы попасть туда, куда вам надо, важно знать, к чему именно прислушиваться.

За завтраком мама дала мне послушать образец целевой частоты, по которой мне следовало ориентироваться на этот раз. Но я решила, что мое задание может немного подождать.

Находясь одной ногой в Главном Море, а другой уже в переходе, я выбрала частоту наугад. Мои руки и ноги, а затем и все тело завибрировали, будто струна. Воздух сгустился, став плотным, как вода. Затем я почувствовала направление, в котором мне следовало двигаться. Сделав шаг, я ощутила, как вибрация и давление ослабевают. Еще шаг – и вполне видимое и осязаемое пространство портала стало бледнеть и словно испарилось.

Я оставила позади все, что окружало меня в прежнем мире, все его правила, неудачи и разочарования...

...и оказалась в другом, полном суеты и движения.

Глава 2

В момент перехода соблюдайте осторожность, поскольку обстановка в мире, в который вы попадете, может быть опасной.

Глава вторая «Навигация», Принципы и практика разделения, год пятый

Похоже, я попала в один из соседних миров в самый час пик. Мимо проносились машины. От волн рассекаемого ими воздуха мои волосы облепляли лицо, на время ослепляя меня. Я задыхалась от потоков выхлопных газов, которыми меня обдавали грузовики. Какой-то «Харли-Дэвидсон», минув меня, так взревел двигателем, что я, испугавшись, отшатнулась назад и упала навзничь, больно ободрав ладони об асфальт. Чудом мне удалось откатиться в сторону и не угодить под мчавшийся прямо на меня потрепанный «Крайслер», который едва не проехал колесами по моему рюкзаку.

Ни один из водителей не посигналил и не попытался объехать меня.

Строго говоря, я не была невидимой. Обитатели соседних миров могли зрительно воспринимать нас, Путешественников, но только после того, как мы прикасались к кому-нибудь из них, не важно к кому. В остальных случаях мы находились в зоне их периферийного зрения. То есть они могли видеть нас, но при том не замечали. Обычно для нас это было ско-

рее плюсом, дающим возможность свободно передвигаться. Однако сейчас эта особенность резко повышала вероятность того, что меня просто-напросто размажут по дорожному покрытию.

На меня надвигался седельный тягач с полуприцепом. Глядя на него, я вслепую зашарила руками позади себя, в пространстве перехода, в надежде за что-нибудь уцепиться. В конце концов мне это удалось.

Грузовик пронесся мимо, оставив после себя облако выхлопных газов и запах дизельного топлива – мне удалось вовремя нырнуть в расселину между мирами.

Никто никогда не говорил, что Путешествия безопасны. Однако и никому не пришло бы в голову сказать, что посещение других миров – скучное занятие.

Тротуар под моими ногами был весь в ямах и трещинах, сквозь которые пробивались сорняки. По другую сторону автостоянки располагался весьма запущенный жилой комплекс с перекошенными балконами. На половине домов отсутствовали номера. Мой слух уловил низкий, ровный, монотонный гул. Я вздохнула с облегчением.

В кровь снова хлынул адреналин, но на сей раз это было вызвано не страхом, а ликованием. Путешествия в определенном смысле были своего рода наркотиком – с той разницей, что они являлись совершенно легальным и законным занятием. Более того, для людей, обладавших даром пере-

секать границы миров, они представляли собой нечто естественное. Вероятно, я была не таким Путешественником, которого хотели бы видеть мои родители, — что ж, эта роль для Адди. Но все же странствия по другим мирам являлись моим призванием, моей жизнью, единственным, чем я хотела бы заниматься.

А самое главное, они сулили беспредельные возможности.

В одном и том же месте можно было обнаружить множество других реальностей. Если какой-то из параллельных миров чем-то вас не устраивал, всегда можно легко перебраться в другой.

Я снова и снова проходила сквозь портал, всякий раз выбирая новые звуковые частоты. Я посещала больницы и торговые центры, фермы и заводы, наслаждаясь ощущением того, что могу беспрепятственно скользить между разными вариантами сущего, нигде не задерживаясь надолго.

В каждом из отраженных миров я оставляла крохотную звездочку оригами размером с двадцатипятицентовую монетку. Мой дед в шутку называл их хлебным мякишем — частичками Главного Мира, благодаря которым легче было найти дорогу домой. Будучи ребенком, я делала это, чтобы развеселить его. Теперь же это стало одновременно и привычкой, и суеверием, и моим личным ритуалом.

В голове запульсировала тупая боль, в ушах зазвенело. Это свидетельствовало о том, что что-то изменилось. Я поняла: пришло время возвращаться. Что ж, дома у меня бу-

дет возможность напугать Элиота рассказом о том, как меня чуть не задавили, а также выяснить, какое еще несчастье предотвратили мои родители.

Издавая с закрытым ртом тихий звук на частоте, которую дала мне в качестве ориентира мама, я шагнула в глубь пространства перехода и почувствовала, как меня подхватил мощный поток. Массивные дубы, находившиеся в поле моего зрения, исчезли. Когда в глазах у меня прояснилось, мокрая земля под ногами превратилась в асфальтовую аллею, и по обе стороны от нее я увидела усыпанный опавшими листьями травяной газон. Тучи в небе рассеялись, в лицо мне ударили лучи послеполуденного солнца. Я неторопливо огляделась. Мир, в котором я оказалась, сильно отличался от того, где я обитала постоянно, – вероятно, скачок по частоте оказался очень большим.

Жалкий деревянный крест на чьей-то могиле по другую сторону перехода еще какое-то время оставался на моей сетчатке – так бывает, когда смотришь на яркий свет, – а затем медленно исчез. На том месте, где мир разделился, а кто-то встретил свою смерть, осталась лишь легкая рябь.

Глава 3

Vibrato fractums, или изломы, представляют собой зоны нестабильности в отраженных мирах и являются индикаторами серьезных проблем. Прямые контакты с vibrato fractums должны быть сведены к минимуму.

Глава первая «Структура и порядок». Принципы и практика разделения, год пятый

Согласно семейной легенде, свое первое Путешествие между мирами я совершила в восьмимесячном возрасте, то есть задолго до того, как научилась ходить, – и намного раньше, чем большинство других обладателей дара. В одних памперсах я проползла на четвереньках через переход рядом с нашей гостиной, оставив в месте своего проникновения в параллельные миры плюшевую панду и негодующую старшую сестру.

Уже в четыре года Адди являлась сторонницей строгого соблюдения правил и инструкций, а для детей в нашей семье главным правилом было не Путешествовать без взрослых. Поэтому она позвала нашего дедушку, Монти, и тот отправился следом за мной.

Так что меня могла поймать и вернуть обратно Адди, но сделал это именно Монти.

По мнению деда, которое он высказывал довольно часто,

данная история стала первым признаком того, что я – нечто особенное даже среди Путешественников. Адди обычно отвечала, что это свидетельствовало лишь о том, что я буду для всех своих родственников головной болью. Все, однако, сходилось на том, что это сулит некие сложности. Меня начали называть проблемным ребенком. Адди же считали хорошей, правильной девочкой. С тех пор прошло шестнадцать лет, но в этом плане ничего не изменилось – ярлыки, приклеенные в детском возрасте, держатся крепко.

Я заскрежетала зубами – звуковая частота вокруг меня показалась некомфортной. Мама предвидела, что мир, в котором я сейчас находилась, стал негармоничным, но его отклонение по частоте было явно сильнее, чем ожидалось. Здесь можно было выдержать не более двух часов.

Я пошла по тропе для бегунов, проложенной по периметру парка, мимо пруда с утками и укрытого навесом места для пикников в направлении детской площадки. Все выглядело бы совсем неплохо, если бы не неприятный звуковой фон. На берегу пруда двое молодых людей бросали друг другу фрисби и радостно хохотали, но их смех почти полностью заглушал неприятный скрип, от которого я невольно морщилась.

Разлом рядом с прудом. Понятно.

Для того чтобы фоновый звук оказался настолько диссонансным, неподалеку должно было находиться сразу несколько разломов. Из-за этого их звучание заглушало основную частоту. Я напрягла слух – это было необходимо, по-

сколько меня и игроков во фрисби разделяло порядочное расстояние.

В ветвях деревьев зашумел ветер, принесший с собой отчетливый и весьма приятный аромат осени. Мимо то и дело пробегали и проезжали джоггеры и велосипедисты, на ходу глядя сквозь меня.

Детская площадка была полна звуков, среди которых, разумеется, преобладали визг и писк детей, бегающих друг за другом, съезжающих с горки и играющих в «замри – отомри». Две мамы осторожно качали своих малышек на качелях, обсуждая семейные проблемы. Чувствуя нарастающую из-за неприятного звука тревогу, я достала из рюкзака квадратик розовой бумаги и стала особым образом сворачивать его, так что получилась четырехконечная звездочка. Пока я занималась этим, в мои уши ворвался еще один звук – тоже немзыкальный, действующий на нервы.

Оглядевшись, я увидела девочку лет четырех или пяти. Сгорбившись у дерева, она преувеличенно громко всхлипывала, как часто делают дети, чтобы привлечь внимание взрослых и вызвать у них жалость. Из ее глаз обильно лились слезы, из носа тоже текло.

Если не считать разломов, все остальные звуки, присутствующие в параллельных мирах, независимо от того, издаются ли они живыми существами или неодушевленными предметами, должны более-менее вписываться в базовую частоту. Я подошла к девочке и осторожно коснулась ее локтя,

думая о том, что, возможно, упустила нечто важное.

Однако дело было не в этом. Проанализировав звуковой сигнал девочки, я поняла, что она относится к объектам, контакт с которыми запрещен, поскольку он может сам по себе спровоцировать возникновение разлома. Поэтому самым правильным было бы отойти от нее и двигаться дальше.

Проблема заключалась в том, что, когда вы прикасаетесь к живым объектам параллельных миров, даже вполне стабильным, они вас замечают. Девочка шмыгнула носом и, ухватившись за мой рукав, подняла залитое слезами лицо и посмотрела прямо на меня.

Если вас увидел один обитатель параллельного мира, вас сразу начинают видеть и другие. Но никто из тех, кто находился на детской площадке, не обратил ни малейшего внимания ни на девчушку, ни на меня. Ни одна голова не повернулась в нашу сторону, никто даже бровью не повел. Окружающие слышали ее плач и игнорировали его. Я знала, каково это.

Я осторожно отняла пальцы девочки от своего рукава и негромко спросила:

– Что случилось?

Девочка потерла глаза и ответила:

– Я играла на площадке и увидела уток. Мне захотелось показать им мой воздушный шарик. Я пошла по траве к пруду, но споткнулась, упала и упустила нитку, к которой был привязан шарик. И шарик улетел, а он был красный. Это мой

любимый цвет. Не видать мне теперь моего красного шарика...

Все это было сказано очень быстро, на одном дыхании.

– Значит, у тебя улетел шарик.

– Ну да, и он был красный. – Девочка снова захныкала, и по ее щекам опять покатались слезы. Она ткнула пальчиком вверх. – Вон, видите?

Подняв голову, я заметила красный воздушный шар, застрявший в ветвях дерева.

– А мама не может купить тебе новый шарик?

– Мама ушла на работу. Меня привела сюда Шелби.

– Шелби?

Девочка кивнула и показала пальцем на брюнетку со скучающим лицом, примерно того же возраста, что и Адди. Она потягивала из стакана смузи и с кем-то оживленно болтала.

– Это твоя няня?

Девочка кивнула, и у нее задрожал подбородок.

Небольшая корректировка не принесет большого вреда, решила я – с учетом того, насколько нестабильным был мир, в котором я в данную минуту находилась. В конце концов, любой мир – огромный симфонический оркестр. В гармоничном мире одна фальшивая нота могла все испортить. Но, правда, не в этом – здесь небольшое отклонение от гармонии уже не сделало бы погоды.

– Нет проблем, – произнесла я.

Знай я заранее, что мне придется забираться на скамейку,

чтобы достать застрявший в ветвях дерева воздушный шар, я бы оделась по-другому. Но теперь уже ничего поделывать было нельзя. Сняв рюкзак, я встала ногами на сиденье скамьи, а затем, осторожно балансируя, поднялась на спинку, надеясь, что порыв ветра не поднимет юбку и мне не придется придерживать ее обеими руками, как Мэрилин Монро на знаменитой фотографии.

– Ну, еще немного, – прошептала я, жалея, что мне не хватает роста. Даже стоя на спинке скамейки в мотоциклетных ботинках, я не могла дотянуться до нитки, к которой был привязан злополучный воздушный шар – ее кончик болтался в нескольких дюймах от моих пальцев.

– Вам помочь? – услышала я чей-то голос.

От неожиданности я потеряла равновесие и почувствовала, что падаю. Упасть мне, однако, не дали. Одна сильная рука обхватила меня за талию, вторая придержала за ногу выше колена. Я взглянула на ладонь на моем бедре. Она явно принадлежала молодому мужчине – широкая, сильная. На запястье я увидела кожаный браслет. Скрипучий негармоничный звук в ушах стал сильнее, чем прежде. Я почувствовала, как у меня слабеют колени.

Я знала молодого человека, успевшего подхватить меня и предотвратить падение – или, по крайней мере, одно из его воплощений. Мне довелось потратить много времени на изучение этих рук вместо того, чтобы слушать лекции по математике или истории. Они принадлежали Саймону Лэйну. А

Саймон Лэйн там, дома, принадлежал к совершенно другому миру, а не к тому, в котором жила я.

Он осторожно снова поставил меня ногами на сиденье скамейки, после чего разжал руки. Однако фальшивый, негармоничный звук не исчез. Похоже, именно Саймон был причиной разлома там, у пруда. Я окинула взглядом его футболку с вылинявшим названием вашингтонской баскетбольной команды, и мне захотелось, чтобы диссонанс исчез.

Саймон посмотрел на девочку:

– Что, шарик застрял?

Нижняя губа ребенка задрожала.

– Да. А эта тетя недостаточно высокая, чтобы достать его.

Мне очень захотелось указать на то обстоятельство, что, стоя на скамейке, я была заметно выше Саймона. Но он находился куда ближе ко мне, чем когда-либо в школе. Его темно-каштановые волосы были на два дюйма длиннее, чем в Главном Мире, и выглядели растрепанными, что тоже казалось необычным. Все это меня отвлекло. Саймон, судя по огоньку, мелькнувшему в его глазах, тоже это заметил.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – заявила я.

– Знаешь, она упрямая, – сказал Саймон доверительным тоном, обращаясь к девочке. – Если бы она оперлась на меня, мы бы уже давно достали твой шарик.

– Тогда обопрись на него, – потребовала девчушка, глядя на меня.

– Очаровательный ребенок, – промолвила я.

– Да уж, – усмехнулся Саймон.

Кое-какие детали – цвет глаз, сила гравитации, силуэты горных хребтов на горизонте – оставались неизменными, как бы далеко в параллельные миры вы ни забрались. Одной из таких констант, видимо, была и репутация Саймона как молодого человека, по которому сохли все без исключения девушки, хотя и знали, что отношения с ним быстро заканчиваются и ничего хорошего не сулят.

Я тряхнула головой, чтобы избавиться от неприятного шума в ушах.

– Что ж, давайте попробуем. Только смотрите, не уроните меня.

Положив руку Саймону на плечо, я предприняла новую попытку добраться до нитки воздушного шара. На сей раз держать равновесие было намного легче. Ладони Саймона плотно обхватили мою талию, и я потянулась вверх. Мне удалось ухватить пальцами кончик нитки, и, дернув за него, я высвободила шар из развилки, в которой он застрял.

– Готово, – сказала я.

– Прыгайте, – произнес Саймон.

Я так и сделала. Саймон плавно опустил меня на землю. При этом его большие пальцы коснулись моей груди, задержавшись там, пожалуй, дольше, чем необходимо. На таком близком расстоянии его синие глаза были гораздо темнее, чем мне казалось раньше, а ресницы – значительно гуще. Кроме того, я разглядела крохотный шрам около уголка

его губ, который раньше не видела. Саймон Лэйн, мысленно произнесла я. В ушах у меня зашумело, и я отстранилась.

Затем я обвязала нитку вокруг запястья девочки, и она молча убежала.

– Всегда пожалуйста! – крикнула я ей вслед.

– Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, – улыбнулся молодой человек. – Между прочим, меня зовут Саймон. Мне знакомо ваше лицо.

– А я – Дэл, – отозвалась я. – Мы с вами однажды ездили в Вашингтон.

Мой собеседник прищурился, пытаясь меня припомнить, но, судя по выражению его лица, у него ничего не получилось. Его нельзя было в этом винить. В отличие от обычных людей у Путешественников не имелось отражений в других мирах. Но у отражений тех, с кем мы общались в Главном Мире, все же оставалось в мозгу воспоминание о нас в виде некоего смутного образа. Поскольку я училась в одном классе с настоящим Саймоном Лэйном, его эхо имело некое представление обо мне, которое присутствовало где-то на периферии его сознания. Однако, когда отраженный Саймон смотрел прямо на меня, этот образ исчезал. Поэтому он и не мог меня вспомнить.

– А разве вы не должны быть в школе? – поинтересовалась я.

Саймон на мгновение опустил взгляд. Когда же он снова посмотрел на меня, на его губах играла улыбка, а в глазах

тлела лукавая искорка. Похоже, у меня проблемы, подумала я. Причем действительно серьезные.

– А вы? – ответил Саймон вопросом на вопрос.

В это время откуда-то сзади раздался знакомый строгий голос, который с явно осуждающей интонацией произнес:

– Да ты надо мной просто издеваешься!

Адди.

Саймон, разумеется, не мог ее слышать. В отличие от меня Адди наверняка была осторожной и не прикасалась к обитателям окружающего нас параллельного мира. Оглянувшись, я увидела сестру – она стояла в десяти футах позади меня, положив руки на бедра и, нахмурившись, сердито притопывала ногой.

– Ты снова сбежала с уроков?

– Это всего лишь школа, – отозвалась я, не сводя глаз с Саймона и отвечая одновременно на два вопроса. – Самая бесполезная часть моей жизни.

Внезапно мимо нас промчался шоколадного цвета лабрадор, весь мокрый, с красной банданой, обвязанной вокруг шеи. В зубах пес сжимал пластмассовый диск фрисби. Дважды obeжав вокруг Адди, он положил оранжевую тарелку к моим ногам, оглушительно гавкнул и, тяжело дыша и вывалив розовый язык, уставился на меня, словно ожидая похвалы.

– Игги, – предостерегающе произнес Саймон.

– Хорошая собака, – заметила я.

Игги с довольным видом принялся отряхиваться, окатив меня брызгами с ног до головы.

– Нет! – выкрикнул Саймон. – Чертова псина!

Игги радостно заскакал вокруг меня, словно одержимый.

– Так тебе и надо, – усмехнулась Адди. – Ты ведь прекрасно знаешь, что мама и папа не любят, когда ты Путешествуешь одна.

Игги, посмотрев в ее сторону, громко фыркнул, а затем протянул мне лапу. Я осторожно пожала ее. Монти говорил, что животные обычно хорошо относятся к Путешественникам, поскольку очень тонко различают звуковые частоты, и им нравятся колебания, исходящие от нас. В любом случае пес явно не чувствовал себя виноватым и продолжал попытки познакомиться со мной поближе, даже когда хозяин взял его за ошейник.

– Прекрати, Иг, – снова попытался урезонить собаку Саймон. – Извините. Похоже, вы ему понравились.

– Я вообще нравлюсь животным, – сообщила я, пытаюсь отряхнуть брызги со свитера.

– Должен признать, у этого пса хороший вкус.

Адди многозначительно постучала пальцем по циферблату часов. Лицо ее стало озабоченным. Похоже, она тоже уловила неприятный шум. Наверное, услышал его и Игги – пес прижался влажным боком к моим ногам и заскулил.

– Успокойся, приятель, – улыбнулся Саймон, почесывая своего питомца за ушами. – Позвольте компенсировать вам

неприятности, которые причинила вам моя собака. Сегодня в «Грандис» будет играть очень приличная группа. Может, сходите со мной послушать?

– Ни в коем случае, – отрезала Адди. – Скажи ему, что ты не пойдешь.

Настоящий Саймон ни за что не пошел бы вечером в бар в разгар баскетбольного сезона. Я нахмурилась, и брови моего собеседника огорченно поползли вверх.

– Ладно, пусть не в «Грандис». Как насчет «Депо»?

В Главном Море так называлась кофейня в южной части города, на старой железнодорожной станции. После страшного крушения, которое произошло много лет назад, городские власти построили новый вокзал на северной окраине, и «Депо» стало не только местом, где можно было выпить приличный латте, но еще и достопримечательностью.

Путешественники верили в то, что любая катастрофа, любой несчастный случай – результат некоего неверного выбора. В том утреннем крушении погибло около сорока человек, еще сто пострадали – и все из-за того, что машинист поздно затормозил. В результате происшествие породило множество новых параллельных миров. Это – один из примеров того, как всего лишь одно действие, одно решение трансформирует материю Мультивселенной.

Я невольно задумалась над тем, какие именно события вызвали к жизни того Саймона, которого я видела перед собой в данную минуту. Несмотря на то что в нем присутство-

вал очевидный диссонанс, мне захотелось это выяснить. Да, с этим Саймоном явно что-то было не так, и в том, что именно он обратил на меня внимание, как нельзя лучше отразилось мое невезение.

Игги ткнул меня головой под коленки, и я, едва не упав, была вынуждена снова опереться на Саймона. Он обхватил меня руками, и я на секунду позволила себе обнять его. Затем шагнула назад со словами:

– Хорошо, я подумаю.

Теперь нахмурился уже мой собеседник. Большинство девушек пришло бы в восторг от его предложения, но я оказалась не из их числа.

– Все, игры закончены, – произнесла Адди с таким выражением лица, которое не сулило ничего хорошего. – Сворачивайся.

Я в последний раз погладила Игги по голове и, обращаясь к Саймону, сказала:

– Увидимся.

– Надеюсь, – отозвался он и, подняв тарелку фрисби, запустил ее в сторону пруда.

Игги опрометью бросился за ней, Саймон – за ним. Я обернулась, понимая, что Адди сейчас обрушит на меня свой гнев.

– Мы здесь не для того, чтобы кадрить мальчиков, Дэл!

– Ну, ты-то уж точно. Ничего, я уверена, что мы и тебе подберем кого-нибудь для общения. – Я указала на девуш-

ку на велосипеде на противоположном берегу пруда. – Вон, смотри. По-моему, неплохой вариант.

Поиграть в человека, который озабочен поиском компании для Адди, было неплохой идеей. Хотя, разумеется, спортивные девицы, проводящие много времени на свежем воздухе, вряд лигодились ей в подружки. Моей сестре требовался некто такой же безупречный, как она сама. На мой взгляд, если бы у нее было с кем общаться, она реже замечала бы мои ошибки.

Зеленые глаза Адди предостерегающе сверкнули.

– Оставь эту тему, Дэл. И хватит думать о нем.

Я пожала плечами:

– С ним что-то не в порядке. Где-то тут явно есть разлом. Я лишь выполняла домашнее задание.

– Знаю я твои домашние задания.

– Сколько времени ты уже за мной шпионишь? – поинтересовалась я, стараясь отвлечь внимание сестры от Саймона.

– Достаточно, чтобы увидеть твои попытки снять воздушный шар с дерева. Тебе не следовало вступать в контакт с этой девочкой. С ней бы ничего не случилось. – Сестра скрестила руки на груди, и на ее лице появилось неприятное выражение, от которого она сразу стала выглядеть старше своих лет. – Пойми, Дэл, есть правила, и они существуют не просто так.

Внимательно изучая сливового цвета лак на своих ногтях, который уже успел частично облупиться, я пробормотала:

– Мне стало ее жаль.

– И что? Она – всего лишь обитательница отраженного, параллельного мира. Эхо. Так что это не имеет никакого значения.

Для меня имеет. Я хотела произнести это вслух, но не решилась. Адди была права. Люди-эхо – не настоящие, это копии с оригинала, какими бы живыми и реальными они ни казались. И все же слова сестры, такие правильные и бесспорные, вызвали во мне протест.

Я бросила взгляд на Саймона, который весело возился с Игги. Диссонанс, который сгушался вокруг них и ощущался все более отчетливо, действовал мне на нервы.

– Зачем ты здесь? – спросила я у сестры.

– Папа попросил меня помочь тебе с домашним заданием. Я отправила тебе целых три сообщения.

– Я их не получала, – беззаботно произнесла я, доставая из своего кармана бумажник Саймона. Из него я извлекла выданные в другом штате водительские права, в которых было указано, что Саймону двадцать четыре года.

– Какой ужасный документ. Его с ним моментально сцапают.

– Ты что, шарила у него по карманам? Это Монти тебя научил?

– А кто же еще? Настоящий Саймон – звезда баскетбольной команды моей школы. Он ни за что не станет пытаться проникнуть в бар, используя фальшивый документ. Что пло-

хого, если я не допущу, чтобы этот Саймон тоже не попал в тюрьму?

Адди снова нахмурилась.

– Это бессмысленно, – заявила она и заправила за ухо светлый завиток волос, который осмелился выбиться из ее безукоризненной прически. Я никогда не могла понять, как моей сестре удавалось сохранять ее практически в нетронутом виде, несмотря ни на что. Мои волосы, рыжевато-каштановые, с темными концами, словно их окунули в тушь, вечно вели себя, как им заблагорассудится, и я не могла ничего с ними поделать. – Он ведь тоже не настоящий, пойми.

Ладонь Саймона на моем бедре ощущалась как вполне реальная, но я не стала спорить, решив не делиться с сестрой этим воспоминанием.

Признаться, я и сама не могла объяснить, почему стащила бумажник. Просто потому, что это было забавно. И потому, что если этот Саймон пытался флиртовать со мной, то тот, настоящий, никогда не обращал на меня внимания. И, наверное, еще по одной причине: хотя этот Саймон действительно являлся лишь эхом, мне все же противна была сама мысль о том, что он может угодить в тюрьму. Адди никогда не могла почувствовать ничего подобного. А вот я – да, могла.

Покачав головой, я убрала бумажник в свой карман.

– Надеюсь, он не слишком много заплатил за эту фальшивку. Она в самом деле ужасная.

– Оставь бумажник здесь, – велела Адди, и по ее голосу

я сообразила, что терпение сестры кончается. – Ты ведь знаешь, что брать его с собой обратно опасно.

– Но ведь он не радиоактивный. Он никому не нанесет никакого вреда.

Если верить Членам Совета, то брать с собой предметы из параллельных миров было все равно что распространять в Главном Мире бубонную чуму, однако они никогда не объясняли, почему это так опасно. Запрет был вполне оправдан в отношении чего-то крупного, например домашних животных. Разумеется, было бы неправильно взять с собой из отраженного мира того же Игги, ведь в Главном Мире уже где-то резвился и прыгал настоящий Игги. Но такой сравнительно небольшой объект, как бумажник Саймона, никак не мог воздействовать на мой мир – одна песчинка не в состоянии задержать прилив.

Впрочем, проще дать Адди понять, что она одержала верх в споре – особенно с учетом того, что я явственно почувствовала признаки надвигающейся мигрени. Права я бросила в урну, а бумажник положила на ближайший ко мне стол, вкопанный в землю, – Саймон должен был заметить его, направляясь к выходу из парка.

– Ну, теперь ты довольна?

– Не совсем, – ответила Адди. – Давай-ка займемся твоим домашним заданием. Первое – определить объекты разлома.

– Это я уже сделала. Саймон – это раз. Вон тот бегун – два. – Я указала большим пальцем себе за спину, где по до-

рожке трусил какой-то лысеющий толстяк. – Был еще третий – минивэн, но он уехал, пока я разговаривала с Саймоном. Четвертый – качели. Есть еще что-нибудь?

Я знала, что ничего не упустила, но мне хотелось заставить Адди признать это.

Сестра насупилась:

– Раз уж ты вычислила все объекты, займись расшифровкой.

– Саймона я уже проверила, – сообщила я, доставая свой телефон. Его частоту я записала, поэтому могла точно определить, насколько сильным был разлом. – Других, думаю, можно опустить.

– Еще три разлома – значит, еще три расшифровки, – твердо сказала Адди.

Путешествие – всегда своеобразная игра в догонялки. Это не путешествие во времени. Вы не можете вернуться в прошлое и предотвратить ту или иную проблему. Как только вы приняли решение, возникает параллельный мир – или миры. Они развиваются по сценарию, в котором ваше решение было другим. В большинстве случаев в этом нет ничего страшного. Альтернативные миры, населенные отраженными людьми, развиваются каждый сам по себе, создавая новые ответвления и никогда не пересекаясь с Главным Миром.

Но порой по неизвестным причинам в этой системе возникают сбои. В гладкой поверхности реальной материи возникает некая дисгармония, нестабильность. Если ничего не

предпринять, она может распространиться на Главный Мир и дестабилизировать и его, и параллельные реальности. В том, чтобы не допустить этого, и состоит задача Путешественников – они должны оказаться в точке неустойчивости и ликвидировать небольшую часть реальности, чтобы сохранить всю остальную. Это и называется разделением.

Разломы – первый признак наличия некоей серьезной проблемы, но они далеко не всегда имеют фатальный характер. Разломы как заболевания – одни смертельно опасны, другие относительно легко излечимы. Наша функция – определить, за какими разломами можно просто понаблюдать, а какие следует ликвидировать. Я нисколько не сомневалась, что мир, где я оказалась на сей раз, потребует коррекции, ликвидации какой-то его части – с каждой минутой он звучал все хуже и хуже. Ясно было и то, что Адди не даст мне закончить дела пораньше.

Я отчетливо слышала звуковые колебания, испускаемые бегуном, который привлек мое внимание. Но согласно заданию, мне следовало расшифровать их самым тщательным образом, чтобы исключить какие-либо сомнения. Я двинулась в сторону бегущего тяжелой трусцой толстяка. Он в это время преодолевал плавный поворот. Лицо его было багровым, футболка пропиталась потом, он то и дело щупал свой пульс. Представив то, что мне предстояло, я невольно содрогнулась.

Ускоряя шаг, я двинулась ему навстречу. Издаваемый бе-

гуном звуковой сигнал становился все громче. Старайся не пачкаться, часто говорил мне Монти. Продолжая ускоряться, я, сжимая в руке телефон, преодолела последние отделявшие меня от толстяка метры.

Траектории нашего движения пересеклись. Я задела плечом руку толстяка. От толчка он, отшатнувшись, сбежал с аллеи на траву и остановился, а затем охнул и выругался.

– Упс, – сказала я и, не останавливаясь, зашагала дальше.

Бегун возмущенно всплеснул руками и потрусил дальше. Соприкосновение было совсем коротким, однако экран моего телефона приобрел вишнево-красный цвет. Развернувшись, я снова подошла к Адди:

– Это было нетрудно.

Сестра вопросительно посмотрела на меня:

– Ну и?

– Все очевидно. – Я показала Адди свой телефон. – Мне можно было с ним не контактировать – и так видно, что он – плохой излом.

– Форсированный излом, – поправила меня Адди, поглаживая пальцами шов своего твидового пиджака. – Он не плохой и не хороший. Вопрос в том, насколько изменилась индивидуальная частота этого типа.

– Пусть так. Но теперь мы можем идти? Это место звучит просто ужасно, а у меня есть кое-какие планы.

В это время раздался звук, какой издает лопнувшая скрипичная струна. Амплитуда колебаний частоты еще больше

возросла.

– Свидание с Элиотом – недостаточно веская причина для того, чтобы срывать занятия, – заявила Адди, потирая пальцами виски. – Проверь-ка качели.

– Это не свидание, – возразила я. – Речь идет об *Элиоте*.

Возможности, открывающиеся перед Путешественником, весьма велики. Мультивселенная бесконечна, она напоминает гигантское старое дерево со множеством ветвей, каждая из которых, в свою очередь, выбрасывает тысячи отростков и молодых побегов. Если забраться в ее дебри достаточно глубоко и в то же время быть осторожным и осмотрительным, можно найти какой угодно мир, в том числе полностью отвечающий вашим представлениям о том, какой должна быть окружающая действительность. Невозможно отыскать лишь такой мир, где мы с Элиотом Митчелом были бы парой. Нельзя испытывать романтические чувства по отношению к человеку, вместе с которым тебя приучали пользоваться горшком.

Я побрела через детскую площадку к качелям и ухватилась одной рукой за цепь.

В ту же секунду ощущение дисгармонии пронзило меня, как кинжал, и я выпустила цепь, словно она обожгла мне пальцы. Неприятные звуки, терзавшие мой слух, стали на порядок тише. Я наклонилась вперед, упершись руками в колени, и подождала, пока пройдет внезапно накативший на меня приступ тошноты, а затем вернулась к Адди.

– Сделано. Готова побиться об заклад, что к полудню завтрашнего дня это место разделят и зачистят, – сказала я.

– Совет не станет зачищать мир только потому, что это считал необходимым кандидат в Путешественники на пятом году обучения, – фыркнула Адди. – Хотя если бы я заявила, что это нужно сделать... Уверена, мне дали бы возможность поучаствовать в этом.

Разумеется, мнение Адди «весило» гораздо больше, чем мое.

– Но обнаружила эти разломы я.

– Ты украла кошелек, принадлежащий отраженному объекту, и позволила этому объекту распускать руки. Так что вряд ли от тебя в данном деле будет хоть какой-то толк.

Адди двинулась к переходу, которым мы обе воспользовались, чтобы проникнуть в мир, где в данный момент находились. Прищурившись, я различила знакомый крест у дороги, он то появлялся, то исчезал – это было верным признаком того, что окружающая нас с сестрой отраженная реальность быстро становится все более нестабильной.

– Это несправедливо, – сказала я, идя следом за Адди. – Я должна по крайней мере попытаться.

– У тебя – на это – нет – разрешения, – громко и отдельно произнесла Адди, взяв меня за руку. Я обратила внимание, что вид у нее при этом был очень усталый. – Мы вернемся домой. Расскажем обо всем папе. И пусть решение принимает Совет.

– Почему бы нам не избавить их от лишнего беспокойства?

– Можно подумать, ты знаешь, каким образом это можно сделать.

Я увидела, как находящийся позади Адди Саймон помахал мне рукой. Я невольно улыбнулась, но тут же одернула себя. Он не настоящий. Подлинный Саймон не стал бы прощаться со мной. Он бы меня просто не заметил. И уж наверняка не пригласил бы пойти вместе куда-нибудь, чтобы послушать концерт какой-нибудь группы или попить кофе. Не заставил бы меня ощутить сожаление при расставании. Да, этот Саймон был не настоящий. Но он был очень опасен.

– Это вовсе не трудно, – произнесла я, чувствуя всем своим существом беспокойную вибрацию целого мира. – Нужно только начать.

Глава 4

Взаимодействуя с обитателями отраженных миров, не позволяйте эмоциям влиять на ваши суждения или отвлекать вас от исполнения долга.
Глава 3 «Характеристики отраженных миров и техника работы». Принципы и практика разделения, год пятый

По идее, уничтожение целого мира не может быть легким делом. Логика подсказывает, что распутывание узлов на ткани материи, из которой состоит Мультивселенная, сложнее, чем подстригание ногтей. Однако на самом деле нужно всего лишь найти кончик запутавшейся нити последствий и потянуть за него.

Или держать этот кончик в руке, пока ваша сестра тянет вас за другую руку.

Внезапно земля под нашими ногами вспучилась, словно на картине Сальвадора Дали. Деревья неподалеку изогнулись так, будто их стволы внезапно стали мягкими. Небо утратило голубизну и приобрело странный белесый оттенок.

– Что ты сделала? – испуганно воскликнула Адди, в отчаянии глядя вокруг.

– Я не виновата! Не надо было меня хватать!

Со стороны детской площадки в сторону пруда метнулась серебряная молния, и водоем стал исчезать прямо на глазах.

– Это ты не должна была лезть мне под руку! – бросила Адди и потянула меня туда, где на поверхности земли не было внезапно возникших беспорядочных волн.

– Все равно это собирались зачистить, – проговорила я.

По словам Членов Совета, разделение и зачистка миров представляли собой сложную процедуру, которая требовала специальных навыков, большого опыта и особых инструментов.

Я же совершенно случайно провела ее, не имея ни первого, ни второго, ни третьего.

У меня похолодело в животе, когда я увидела, как утки у пруда, неуклюже переваливаясь, пытаются догнать отступающую кромку воды, а потом вдруг превращаются в черно-белые силуэты и просто исчезают.

Вокруг стоял такой шум, словно где-то рядом набегали на берег морские волны.

Саймон бросил фрисби. Игги прыгнул, чтобы его поймать, и красная бандана вокруг его шеи внезапно обесцветилась. При виде этого в груди у меня что-то болезненно сжалось. Я надеялась, что все будет как-то... иначе. Быстрее – так, как гаснут звезды на рассвете.

– Я этого не хотела, – пробормотала я.

– Кого это интересует? Нам надо уходить отсюда, – сказала Адди и зашагала к portalу, но вскоре остановилась, заметив, что я не трогаюсь с места.

Машины на парковке одна за другой оплывали, словно го-

рящие свечи, — в том числе и те, в которых находились люди.

— Это сделала я. Так что я должна это видеть.

— Дэл, они не живые. — В голосе Адди, хотя она явно испытывала сильнейший страх, я различила нотки сочувствия. — И никогда не были живыми. Они — просто эхо, отражение.

— Но они-то этого не знают.

— Нет. Но это знаем мы. Процесс разделения пошел слишком быстро. Обычно сначала он начинается в местах разломов и распространяется во все стороны одновременно. Но на сей раз все как-то... нетипично. Слишком беспорядочно.

Сестра была права. Цель наших тренировок состояла в том, чтобы разделения и зачистки проходили сравнительно гладко. Специалисты, фигурально выражаясь, отрезали поврежденную ветку, а затем зашивали пространственно-временной разрыв. После этого окружающие миры продолжали существовать и функционировать совершенно нормально. Процесс заживления происходил сам собой, и то место, где был разделенный мир, через какое-то время начинало давать новые побеги. Это напоминало работу садовника. Спилить больную ветку у основания и замазать срез специальным веществом. Дерево продолжает жить, но в том месте, где была больная ветка, остается сучок. Правда, он уже больше не ветвится.

Хаос, свидетелями которого стали мы с Адди, должен был происходить не сразу, а в течение многих дней. Однако деревья прямо на наших глазах превратились в легкую дымку,

которая тут же уплотнилась и стала напоминать стену. Рев в моих ушах нарастал с исчезновением каждого видимого объекта. Я обернулась и нашла портал. Трава вокруг него серебрилась, словно покрытая инеем.

– Адди!

– Туда, скорее!

Сестра бросилась бежать, сохраняя изящество движений даже в ситуации, когда речь шла о жизни и смерти. Я метнулась за ней, стараясь не отставать, хотя мне мешала обувь. Рюкзак колотил меня по спине. Асфальт под нашими ногами стал мягким. Поворот дорожки начал бледнеть. Можно было невооруженным глазом увидеть, где края отраженного мира сходились не совсем плотно. Сквозь щель, словно луч маяка, просачивались звуковые частоты Главного Мира.

Когда мы с Адди находились неподалеку от перехода, столб, на котором висел указатель с названием парка, растаял и превратился в грязную лужу. Стало ясно, что добежать до портала мы не успеваем.

– Подожди!

Я ухватила Адди за полу пиджака. Не обращая на меня внимания, она продолжала рваться вперед.

– Мы не пройдем – застрянем внутри перехода! – крикнула я.

Сестра обернулась. В глазах ее мелькнул ужас.

– Если мы не успеем убраться отсюда, то окажемся в западне, дура! – выкрикнула она.

– Смотри. – Я указала на то место, где только что был переход.

Он исчез, как и лужа на месте столба. Там клубился серый туман.

Адди испуганно ахнула, и у нее подкосились ноги.

– Все, мы застряли.

На нас продолжала медленно напоззать серебристо-серая стена. Я тронула сестру за плечо:

– Пошли обратно, туда, где находился парк. Должна быть какая-то возможность выбраться отсюда в экстренной ситуации.

Впервые в жизни Адди последовала за мной, не споря и не протестуя.

– Есть простое правило, – пробормотала она. – Не разделяй и не зачищай мир, если находишься в самом его центре.

Мы добрались до игровой площадки. Там тоже виднелись явные признаки надвигающейся катастрофы. Скамейки склонились к земле. Мамаши с детьми еще не исчезли. Малыши лазили по горкам и лесенкам, нисколько не смущаясь тем, что ступеньки и перекладины исчезали прямо на глазах.

– Я не вижу никаких других переходов, – констатировала Адди. – Тот портал был единственным.

Она сказала правду. Процесс распада шел со стороны дальнего конца детской площадки и автомобильной стоянки, то есть оттуда, где было наибольшее количество разломов. Так что пробраться обратно, в Главный Мир, не пред-

ставлялось возможным. Где еще совсем недавно находились Саймон и Игги, клубилась серая мгла. Ту же картину я видела там, где раньше стояли качели, а также в том месте, где столкнулась с бегуном. Люди-эхо ничего не успели ни заметить, ни понять — они исчезли раньше, чем осознали, что происходит что-то неладное. Они просто влились в бесконечный поток обезличенной материи Мультивселенной.

Что же касается нас, обитателей Главного Мира, то мы должны были погибнуть.

Адди опустилась на одну из прильнувших к земле скамеек и зарыдала. В нескольких футах от нас маленькая девочка, держа в руке нитку, к которой был привязан воздушный шар, волчком вертелась на месте. Внезапно красный шар утратил цвет и начал растворяться в воздухе.

Шар, подумала я.

Его надо вернуть в развилку на ветке дерева.

После того как я освободила его, девочка снова принялась бегать и играть — вместо того чтобы стоять у дерева и плакать.

И она все еще находилась здесь, совсем рядом с нами. Вот только надолго ли?

– Пошли, быстро!

Я подхватила Адди под мышки и поставила на ноги.

– Портал получится слишком маленький, Дэл. Нам не протиснуться.

– А другие варианты у тебя есть? Давай, шевели задницей,

иначе нам конец!

Подбежав вплотную к девочке, я остановилась и прислушалась. Мне нужно было уловить частоту звуковых колебаний – любую частоту, которую не заглушал бы белый шум разлома, расслоения исчезающего мира.

– Быстрее! – воскликнула Адди.

– Заткнись!

В том месте, где в воздухе висел шар, сверкнула вспышка. В этот самый момент я услышала звук – слабый, но очень приятный. В луче света мелькнул контур перехода – бледный, едва заметный. Я бросилась к нему, ухватив сестру за руку.

Последнее, что я запомнила, – это маленькая девочка, исчезающая в серой мгле.

Глава 5

Термин «несчастный случай» ошибочен. Любое событие, независимо от того, ожидаемое оно или совершенно неожиданное, является следствием сделанного выбора.

Глава 10 «Основы этики и управления». Принципы и практика разделения, год пятый

Приземлилась я не очень удачно. От удара мои ладони и колени больно саднили. В ушах звенело от внезапно наступившей тишины. В футе от меня створки портала затрепетали, словно крылья гигантской бабочки, и сомкнулись. Я медленно приняла сидячее положение и стала вытряхивать из волос мелкие щепки.

Адди лежала навзничь неподалеку от меня, тяжело дыша, и молча глядела в небо – ярко-голубое, лазурное, бирюзовое. Невероятного и в то же время такого знакомого цвета. Как же приятно было видеть над головой именно его, а не серую мглу разрушающегося мира, из которого нам чудом удалось ускользнуть. Мы обе никак не могли насмотреться на эту чудесную голубизну. Наконец я с трудом встала, цепляясь за лесенку детской площадки.

То, что я видела вокруг, выглядело так же, как только что разделенный мной мир. Все были на месте – и бегуны, и дети, и их няни. Утки в пруду. Саймон и его приятель, бросающие

фрисби псу Игги. Горло внезапно сжал спазм, но мне удалось быстро подавить его и восстановить дыхание. Все было в точности так же, как раньше.

Вернее, почти все. Маленькая девочка сидела рядом со своей нянькой, низко наклонив голову. Плечи ее дрожали. Посмотрев вверх, я увидела воздушный шар – он висел на дереве, застряв в развилке между ветками. Нетрудно было предположить, что вскоре порыв ветра освободит его и унесет прочь.

Я сунула руки в карманы и нашла незаконченную бумажную звездочку. Разгладив листок бумаги, я свернула звездочку, заново получая странное удовольствие от знакомых, привычных манипуляций.

Адди встала. Лицо ее было бледным.

– Неплохо получилось, верно? – Я попыталась улыбнуться, но губы мои словно онемели и показались чужими – как и ноги, в которых чувствовалась непривычная слабость.

– Нет, Дэл. Все это было плохо. Очень, очень плохо. – Адди провела пальцем сначала под одним глазом, затем под другим, стирая следы потекшей косметики. – Надо уходить отсюда.

– Зачем? Ведь мы в безопасности.

Сестра покачала головой и бросила взгляд в сторону детской площадки.

– Когда разделение того мира закончится, оно начнется в этом. Это – как эффект домино, и ты толкнула первую ко-

стяшку.

Я похолодела от ужаса. Ноги задрожали, и я едва не опустилась на колени. Слова Адди поразили меня. Главный Мир не пострадает, однако все отраженные миры, возникающие там, где мы находились в этот момент, будут разрушаться и исчезать – из-за меня.

– А люди?

– Дэл, сосредоточься. Нам надо найти переход, через который мы можем попасть домой. Как думаешь, где следует искать в первую очередь?

Наверное, Адди была сильно потрясена случившимся, если, вместо того чтобы командовать и распоряжаться, обратилась ко мне за советом. Это было почти смешно. Я едва не улыбнулась, но тут же одернула себя. Мир, где мы находились, был почти таким же, как тот, из которого едва успели выбраться. Но, как я успела только что убедиться, слово «почти» в определенных ситуациях могло означать «совсем не».

Я ощутила неприятную горечь во рту.

– Автостоянка, – сказала я. – Там можно найти много решений.

– Тогда пойдем туда, – встрепелась Адди. – И пожалуйста, ни к чему не прикасайся.

Обернувшись, я посмотрела через плечо на маленькую девочку, которая все еще плакала.

– Спасибо, малышка, – тихо пробормотала я и двинулась

следом за Адди в сторону парковки, где могли обнаружиться переходы.

Один мы вскоре нашли, так что мои предположения оправдались. Перед тем как шагнуть в него, я бросила на землю бумажную звездочку. Она упала рядом со столбом указателя. Разумеется, это было бессмысленное действие, поскольку мир, который мы собирались покинуть, вскоре должен был исчезнуть. Но я поступила в соответствии с привычкой.

«Хлебный мякиш» – так называл эти звездочки Монти, намекая на сказку «Мальчик-с-пальчик».

Когда мы подъехали к дому, Адди, выходя из машины, преувеличенно сильно хлопнула дверцей.

– Я расскажу обо всем маме, – заявила она.

Я бросилась следом за ней:

– Ты что, шутишь? Или серьезно? Нам что, по пять лет?

– Пятилетние дети проявляют больше осторожности и лучше контролируют свои действия, чем ты, – прошипела сестра. – Мы едва не погибли. Ты думаешь, Совет ничего не заметит? *Ты стерла целый мир.*

– Это из-за тебя. Я не хотела. – От страха меня даже зазнобило. – Ты ухватила за меня и этим мне помешала.

– Хотела или нет – не имеет значения. Важно то, что ты сделала. И не пытайся перекладывать вину на меня. Ты не должна была ничего трогать. Так что это все – исключитель-

но на тебе, Дэл. – И Адди ушла в дом.

Я осталась у крыльца, продолжая дрожать, хотя на мне был свитер. Из окон нашей кухни лился теплый свет. В сумерках было незаметно, что краска на стенах кое-где облупилась. Дом казался удивительно уютным и безопасным. Но я знала, что внутри меня не ждет ничего хорошего.

Барбарисовые кусты, окаймлявшие двор по периметру, зашелестели, и из них, цепляясь полами своего кардигана за колючки, появился Монти, мой дед.

– Ты вернулась? – спросил он тонким и пронзительным голосом, напоминавшим звук гобоя.

Прежде Монти был крупным мужчиной, однако с возрастом тело его высохло. Это во многом было вызвано воздействием неблагоприятных звуковых частот. С возрастом они сказывались на всех Путешественниках, но Монти пострадал особенно сильно. Плечи его ссутулились, и походка замедлилась. Особенно сильно он сдал после исчезновения бабушки. Больше всего пострадал его слух. Потерявший слух Путешественник был вынужден, странствуя по Мультивселенной, полагаться на свое осязание, а это было очень опасно. Однако Монти это не останавливало.

– Привет, дед! – Я взяла его за локоть. – Ты давно здесь?

– Ходил прогуляться. Вот только не помню, куда и зачем. – Дед похлопал себя по карманам, извлек из одного небольшой перекидной блокнот и огрызок карандаша. – Погоди-ка, я ведь это записал. Вернее, нарисовал карту.

Карты Путешественников – особая история. Они не похожи на ноты, как можно бы предположить, исходя из того, что главными ориентирами для них являлись звуки. Нет, на картах Путешественников особым образом обозначены лишь некоторые наиболее крупные и стабильные ответвления от Главного Мира и переходы, закодированные в цветовой гамме в зависимости от надежности. Благодаря компьютерам составлять их стало легче. В прежние времена карты, нарисованные на бумаге, сделанной из луковой шелухи, требовали много времени для их изготовления и быстро теряли свою актуальность. И все же, несмотря на бурный технологический прогресс, прокладывание маршрутов в Мультивселенной было исключительно трудоемким делом, а точность карт оставляла желать лучшего.

– Ты не должен Путешествовать в одиночку, – сказала я, беря в руки блокнот и думая о том, что мое замечание справедливо и по отношению ко мне.

В глазах деда мелькнул хитрый огонек.

– Мы можем делать это вместе.

– Я...

Дверь дома распахнулась, и на крыльце появилась моя мама. По ее лицу и движениям было видно, что она очень рассержена. За ее спиной стояла Адди.

– Мам...

– Ни слова, Дэланси. Ни одного слова. – Она указала в сторону стола, и я, пройдя мимо нее и шагнув через порог,

уселась на свое обычное место.

Монти вошел в дом следом за мной.

– Фостер! – позвала мама, вглядываясь в сумерки.

Отец неразборчиво прокричал что-то из гаража, но тут же появился на его пороге и тоже шмыгнул внутрь дома. Все хорошо знали, что, когда мама говорила подобным тоном, медлить не следовало.

Монти похлопал меня по руке:

– Похоже, она сердится, верно? Целый день всех гоняет.

– Сиди на месте и не смей никуда уходить, – строго произнесла мама, взглядом буквально пригвоздив меня к стулу.

Затем они с Адди отправились в мамин кабинет. Прежде чем за ними закрылась дверь, сестра обернулась, и я увидела на ее губах злорадную ухмылку.

– Тебя долго не было, – заметил Монти, вынимая из холодильника две стеклянные бутылки. – Хочешь корневого пива?

– Нет, пить мне совсем не хочется, – пробормотала я, наблюдая за тем, как дед срысывает с бутылок пробки.

Подойдя к столу, он поставил одну бутылку передо мной на стол, а вторую поднес ко рту и отхлебнул сразу половину. Взяв свою, я принялась катать ее между ладонями, прислушиваясь к шипению пузырьков углекислого газа, устремляющегося к поверхности.

– Похоже, я допустила прокол, – сказала я после паузы. – Причем очень серьезный.

Дед негромко рыгнул, и я наморщила нос.

– На свете есть очень мало такого, что нельзя было бы исправить, Дэланси, – отозвался Монти.

Он всегда говорил так, когда я была совсем еще ребенком и мы Путешествовали по отраженным мирам вместе. Он даже специально для меня придумал песенку:

Нет ничего, что нельзя поправить,
Ничего потерянного, что не найти.
Сделай точный выбор, новый мир создай,
Путь найди препятствие обойти.

Если во время наших совместных Путешествий что-то шло не так – а когда Монти находился рядом, такое случалось довольно часто, – эта песенка всегда поднимала мне настроение.

Люди любили мою бабушку. Она была медиком – у Путешественников врачей принято называть только так, и не иначе – и следила за тем, чтобы разделители, такие, как мой дед и отец, сохраняли здоровье во время своих странствий по Мультивселенной. За несколько месяцев до моего рождения она отправилась в Путешествие в отраженные миры и не вернулась.

В то время мои родители и Адди жили в Нью-Йорке, а Монти и бабушка Роуз – в том самом доме, где я находилась сейчас. Если верить моей маме, отряды поисковиков, отправленные Советом, пытались найти ее в течение несколь-

ких недель, но безуспешно. В итоге они пришли к выводу, что Роуз застряла внутри мира, где проводились разделение и зачистка. То есть с ней случилось то, чего мы с Адди сегодня едва избежали.

Монти так и не смирился с тем, что произошло. Они с бабушкой были созданы друг для друга. Недаром, говорил он, их полные имена – Монтроуз и Роузмонт – если переставить слоги, полностью совпадали и являлись двумя половинками одного целого. В поисках бабушки Монти подолгу Путешествовал по Мультивселенной в одиночку, пока Совет не вмешался и не принял решение: либо мои родители приезжают и берут Монти под свою опеку, либо его отправят в дом престарелых. Поэтому через месяц после того как я появилась на свет мы вернулись, и уже, похоже, навсегда.

У Путешественников существовала традиция называть ребенка в честь крупных поворотных точек в родных городах родителей. Трудно представить более крупную поворотную точку, чем железнодорожная станция, где тысячи людей ежедневно принимают решения, многие из которых в итоге оказываются судьбоносными. Поэтому большинство членов моей семьи получили свои имена именно в честь станций метро и автобусных остановок в Чикаго – но не я. Меня назвали в честь одной из автобусных остановок Нью-Йорка. Получается, что именно исчезновению бабушки я обязана своим именем и тем, что моя жизнь сложилась не совсем так, как предполагалось.

Когда человек исчезает, в душах его близких остается шрам. Одни рубцы зарастают лучше, другие хуже. Моя бабушка, сама того не желая, оставила глубокий след в душах всей семьи. В результате моя мама стала видеть в Мульти-вселенной некое беспрельдно большое скопление хаотично устроенных миров, которое следовало сохранять, по возможности не внося в него каких-либо изменений. Адди так хотела доставить ей удовольствие, что тоже положила в основу своих воззрений страсть к порядку, которая со временем трансформировалась в ее сознании в перфекционизм. Мой отец, убежденный миротворец, очень хотел потрафить всем сразу. Так что мне не оставалось ничего иного, как встать на путь, чреватый проблемами и неприятностями.

Монти, однако, так и не поверил в то, что его супруга, моя бабушка, пропала навсегда. Он хватался за любую возможность, чтобы ускользнуть и продолжить ее поиски. В конце концов, так и не найдя свою Роуз, Монти потерял рассудок.

Похоже, сочиненная им песенка подвела нас обоих, но я так и не решилась сказать ему об этом.

– Ну а теперь Расскажи, – предложил Монти, откидываясь на спинку стула и поглаживая руками живот, – что ты такого натворила.

– Я разделила отраженный мир. – Мне с трудом удалось выговорить эти слова – язык во рту едва ворочался, словно свинцовый. После них голова Монти мотнулась назад, словно от удара. Я принялась торопливо объяснять, как все про-

изошло: – Понимаешь, я не нарочно. Просто я на секунду коснулась кое-чего, чего не следовало касаться, и... все случилось. Все происходило очень быстро. Прежде мне никогда не доводилось бывать внутри исчезающего мира. Я не знала, каково это...

Мое горло сжал спазм. Дождавшись момента, когда его хватка ослабла, я продолжила:

– Там находился один парень из нашей школы, Саймон Лэйн. Ну, то есть его отражение. Понимаешь, все это было так... тяжело. Минуту назад я с ним разговаривала – и вдруг он исчез. Я знаю, что это не настоящие люди, но... кажется, что это не так. Что они живые. В общем, это было ужасно.

Брови Монти поднялись, а взгляд его водянистых глаз внезапно стал колючим. Он медленно кивнул со словами:

– Так и должно быть.

– Мы едва успели выбраться, дед. Я думала, что мир исчезает в течение нескольких дней.

Внезапно на лице Монти появилось довольное выражение.

– И как же вы сумели оттуда ускользнуть?

Когда я рассказала Монти про воздушный шар, он негромко хохотнул и пробормотал:

– Умница.

Его реплика, однако, не вызвала у меня ни радости, ни удовлетворения. Более того, на душе у меня было просто отворачивательно.

– Я правда не хотела. Это был несчастный случай.

– Несчастных случаев не бывает, – слышался от дверей голос мамы. Позади нее стоял отец, положив ладони ей на плечи.

– Я только хотела понять, в чем причина такого сильного диссонанса. До сих пор я не слышала ничего подобного. А потом Адди отвлекла меня. Тут-то все и случилось... Вот так.

– Вот так? – повторила мои слова мама с вопросительной интонацией.

Голос ее прозвучал, словно щелчок бича. Отец шагнул вперед.

– Должно быть, ты голодна, – произнес он. – Поговорим после обеда.

К еде я почти не притронулась. Монти чмокал губами, намазывая на бисквит масло с вареньем. Я искренне не понимала, как он может пребывать в таком хорошем настроении после того, что я ему рассказала. Мои родители хранили злобное молчание. Адди с удовлетворенным видом аккуратно черпала ложкой чечевичный суп. Она радовалась, понимая, что, какое бы наказание для меня ни выбрали, оно будет серьезным.

Наконец отец отодвинул тарелку.

– Твои сегодняшние действия были безрассудными, Дэл, – сказал он. – И очень опасными. Ты понимаешь, что могло случиться с тобой и с твоей сестрой?

Я молча смотрела в свою тарелку с супом.

– Вы могли погибнуть. И мы бы никогда не узнали, что с вами произошло. Именно по той причине, что такой риск всегда есть, мы не любим, когда ты, Дэл, Путешествуешь в одиночку. Ты о нас подумала? Каково было бы твоей матери пережить еще раз подобное?

– Дело вовсе не во мне, – произнесла мама, складывая салфетку. – Дело в тебе, Дэл, и в твоём поведении. В твоём постоянном стремлении нарушить все без исключения правила, которые были сформулированы для твоей же безопасности и защиты Главного Мира.

– Простите меня, – пробормотала я, сгорбившись на своём стуле. – Мне вовсе не хотелось, чтобы случилось то, что случилось.

– Ты никогда не желаешь ничего плохого, – заметила мама. – И вечно творишь безобразия. А потом задариваешь всех и думаешь, что это поможет тебе вывернуться из любых неприятностей.

Я обиженно повозила ложкой в тарелке. Да, конечно, я наломала дров, но ведь я и спасла нас с Адди. Это ведь тоже должно было учитываться, разве не так?

– Вообще-то она здорово сработала, найдя выход оттуда, – заявил Монти. – Вы должны отдать ей должное.

В груди у меня потеплело – Монти все понимал, и я почувствовала благодарность к нему за это.

– Если бы она следовала инструкциям, ей не потребова-

лось бы проявлять изобретательность, – отрезала мама. – Адди гораздо опытнее ее, однако никогда не позволяла себе такого поведения.

Ну, разумеется. Я уже давно поняла, что с Адди мне тягаться бесполезно – она всегда будет лучше меня.

– Разделение и зачистка мира не могут проводиться в одиночку. Для безопасного осуществления процедуры протокол требует присутствия трех специалистов.

– Чушь собачья, – возразил Монти. – Трех специалистов по зачистке посылают для того, чтобы они не знали, кто сделал последний разрез и завязал последний узелок – чтобы их не мучило чувство вины.

– С какой стати они должны испытывать чувство вины? – удивилась Адди. – Ведь речь идет всего лишь об отраженном мире.

Монти после этих слов молча покачал головой. На лице его мелькнула гримаса отвращения.

– Неправильно проведенная зачистка дает больше вредных последствий, чем полезных, – объяснил отец. – Она ослабляет Главный Мир.

Не было более страшного греха, чем нанесение ущерба Главному Миру.

– Но мы ведь можем все исправить, верно? – жалобно спросила я. – Нам ведь не обязательно об этом докладывать?

В этот момент мне вспомнились все страшные истории, которые приходилось слышать – о Путешественниках, ли-

шенных лицензии и вынужденных жить той же жизнью, что и обычные люди, потерявших право бродить по отраженным мирам. О Путешественниках, которые просто исчезли, навсегда отправленные в потайную темницу.

Существовали специальные тюрьмы для Путешественников, о которых ходили страшные слухи. Рассказывали, что их создал Совет для самых страшных преступников. Он якобы сформировал особые миры размером не больше тюремной камеры и содержал в них особо провинившихся, изолировав их и от Главного Мира, и от отраженных. Убежать из них было невозможно. Правды о них не знал никто, потому что никто никогда не возвращался из них обратно.

Да, я была неосторожна, однако действовала без злого умысла. Мне еще не было семнадцати – вряд ли Совет мог посадить в специальную тюрьму совсем юную девушку. Впрочем, проверять это предположение не хотелось.

– Пап, пожалуйста! Об этом нельзя сообщать Совету.

– Мы это уже сделали, – сказал отец, и в его голосе я услышала нотки сожаления.

– Ведь вы должны быть на моей стороне!

Я ожидала предательства от Адди, но не от родителей. Не от отца.

– Так и есть. Разделение подобного масштаба не утаить, так что в данном случае лучше сразу признаться в содеянном. Что поделаешь, дочь, за свои действия надо отвечать.

– Но ведь это был просто несчастный случай!

– У Совета есть свои правила, Дэл. Если хочешь быть Путешественником, ты должна доказать, что в состоянии им следовать, – произнесла мама, нахмутив брови. По ее лицу было понятно, что нарушение правил для нее неприемлемо ни в каком случае – даже если этот проступок совершила ее дочь. Видимо, Адди унаследовала от матери бескомпромиссную верность инструкциям точно так же, как и способность к проникновению в параллельные миры.

Мне захотелось напомнить сестре, что сегодня я сумела спасти нас обоих вовсе не из-за четкого выполнения инструкций, а исключительно благодаря их нарушению. Но я, разумеется, промолчала, поскольку мама все равно бы меня не услышала.

Монти, засыпав весь свой кардиган крошками, к этому моменту успел уже задремать. Адди играла шейной цепочкой, делая вид, будто не прислушивается к разговору. Отец успокаивающим жестом накрыл пальцы матери своей ладонью.

Я осталась одна.

Глава 6

*Полифонией называется гармоническое
совмещение двух независимых мелодических линий.*

Глава 5 «Композиция». Введение в теорию музыки

– Расскажи-ка еще раз про воздушный шар, – попросил Элиот.

Наш разговор происходил утром следующего дня.

– Вот как? Я стираю параллельный мир, при этом едва не погибаю, мои родители сдают меня Совету, а тебя интересует какой-то идиотский воздушный шар? – Я швырнула учебник по физике в свой шкафчик и с грохотом захлопнула дверцу. – Родители даже не смогли мне объяснить, что будет дальше. Нам нужно ждать, что решит Совет. А что, если меня отправят в тюрьму?

– Не отправят, – уверенно заявил Элиот. – Должно быть какое-то объяснение тому, что разделение мира произошло с такой легкостью. Значит, ты говоришь, что единственной странной деталью оказался этот самый воздушный шарик, верно? А все остальное было как обычно? Значит, чего-то не хватает.

В глазах Элиота за линзами очков появилось знакомое мне отсутствующее выражение. Где-то в сверхмощном компьютере, который представлял собой его мозг, шла ускоренная обработка всего того, что я рассказала.

– Да, чего-то определенно не хватает, – повторил он.

– Вряд ли я забыла что-либо важное, – возразила я, вспоминая пальцы Саймона на моем бедре.

– Здесь все важно, Дэл.

Я переложила книги из одной руки в другую. Путешественники держали свой дар в тайне от остальных. У меня имелось немало личных секретов от членов моей семьи. Но у нас с Элиотом секретов друг от друга не было. Я сообщила ему об отраженных Саймоне и Игги и о фальшивых водительских правах. Но рассказать о нашем с Саймоном контакте у скамейки мне все же не хватило духу.

Миновав коридоры, где царила толчея, мы дошли до аудитории для занятий музыкой. До начала урока еще оставалось довольно много времени. Элиот схватил меня за рукав, чтобы я не шмыгнула в класс.

– Если мы сумеем доказать, что с отраженным миром, в котором ты побывала, что-то было не так и он разделился именно по этой причине, твое наказание будет менее строгим.

– Это же Совет. Они могут сделать все что угодно.

– Переписать твою ДНК им не под силу.

Элиот был прав. Совет не мог отнять у меня способность к Путешествиям. Но он имел полномочия сделать их незаконными. Или добиться того, что всю оставшуюся жизнь я буду находиться под строгим контролем и не смогу Путешествовать без сопровождающего.

– А если они решат просто не выдавать мне лицензию, и я так и буду безвылазно торчать тут?

– Я доставлю тебя, куда захочешь, – отозвался Элиот. – Тебе надо только попросить.

При этом он улыбался, однако его глаза были странно серьезными. Прежде чем я успела спросить Элиота, в чем дело, в дверях появилась мисс Пауэлл.

– Я вам не помешала? – с улыбкой спросила она и жестом пригласила нас внутрь.

– Нет, – промямлила я.

Если школа в целом казалась мне обузой, то занятия по теории музыки являлись желанной передышкой, местом, где люди говорили на понятном мне языке. Мисс Пауэлл была, пожалуй, единственной преподавательницей, не относившейся ко мне как к малолетней преступнице.

Мы с Элиотом скользнули на свои места в дальнем конце аудитории. Саймон уселся прямо передо мной, предоставив мне возможность смотреть ему в затылок. Концы длинных темных волос слегка завивались у него на шее. Как обычно, вид у него был слегка неряшливый, словно он только что встал с постели. Ходили слухи, что по утрам ему приходилось выбираться из *многих разных* постелей.

У Саймона из парка волосы были еще длиннее – они свешивались ниже воротника сзади и спадали на лоб спереди чуть ли не до глаз. Я снова ощутила укол вины. Наверное, настоящий Саймон почувствовал на себе мой взгляд, потому

что вдруг обернулся и сверкнул улыбкой.

На моих губах против воли тоже расцвела улыбка – и сразу увяла: девушка, сидящая рядом с Саймоном, тоже обратила на меня внимание. Бри Карлсон, исполнительница всех главных ролей в школьных спектаклях начиная с шестого класса. Хорошенькая, но не настолько, чтобы другие девчонки ненавидели ее. Популярная, но не до такой степени, чтобы опасаться, что завистницы нападут на нее из-за угла, Бри была хамелеоном: она постоянно меняла личины, всякий раз надевая ту, которая обеспечивала ей всеобщее внимание.

Они с Саймоном встречались в начале учебного года, но пару месяцев назад вроде бы расстались. Их связь развивалась по распространенной схеме – сначала флирт, потом близкие отношения, впоследствии переходящие в дружбу. Быть девушкой, брошенной Саймоном Лэйном, являлось неким почетным знаком отличия. Я всегда удивлялась, что девицы, которым посчастливилось удостоиться подобной чести, не создали своего клуба с обязательным годовым взносом.

Но судя по тому, как Бри провела пальцами по плечу Саймона, она решила повторно сыграть роль его девушки. Впрочем, насколько мне было известно – а я знала Саймона уже довольно давно, – разорванных отношений он никогда ни с кем не восстанавливал. Так что у Бри было меньше шансов добиться своего, чем получить главную роль в каком-нибудь спектакле на Бродвее.

Все это, однако, нисколько не уменьшило боль от того, что Саймон, взглянув на меня, снова равнодушно отвернулся.

– С каких это пор ты ему улыбаешься? – пробормотал, не раскрывая рта, Элиот.

– А ты что, ревнуешь? – ядовито поинтересовалась я и ткнула Элиота локтем в ребра.

Мисс Пауэлл между тем читала лекцию о полифонии, время от времени используя для объяснений слайды. Перестав слушать недовольное гудение Элиота, я попыталась сконцентрироваться на ее словах. Однако помимо воли я продолжала снова и снова сравнивать Саймона из парка с настоящим. Они различались не только длиной и ухоженностью волос. Если у Саймона из параллельного мира на запястье был кожаный ремешок, то у его оригинала – дорогие на вид цифровые часы. У реального Саймона виднелись темные круги под глазами, что свидетельствовало о том, что он, возможно, уже пару ночей подряд спал урывками. Интересно, что – или, может, кто – мешало ему отдыхать, подумала я. Элиот всегда лучше меня видел различия между реальными людьми и их эхом, но если бы я сейчас попросила его мне помочь, он бы понял, что мой контакт с отраженным Саймоном во время Великого Спасения с Помощью Воздушного Шара был весьма тесным.

Через сорок минут в классе снова зажегся свет, и мисс Пауэлл с нескрываемой радостью хлопнула в ладоши.

– Итак, ребята, следующее задание вам предстоит выпол-

нять вместе с партнером. А состоит оно в том, чтобы самим написать небольшое полифоническое музыкальное произведение длиной в шестнадцать тактов. Это ведь очень интересно, правда?

– Вообще-то я думала, что урок вот-вот закончится, – прошипела Бри, обращаясь к Саймону, но он лишь пожал плечами.

Хотя мисс Пауэлл, которая появилась в нашей школе только в этом году, была ровесницей моих родителей, она наивно верила, будто все ученики любят музыку так же, как она. А мисс Пауэлл ее просто обожала.

– Я решила, – продолжила она, – что на сей раз кое-что поменяю.

Я насторожилась – когда преподаватели говорили, что собираются что-либо менять, это никогда не сулило ничего хорошего.

– В этот раз вы будете выполнять задание не с соседом по парте. Я сама назначу каждому из вас партнера. Знаете, как говорят – привычка порождает неуважение.

И мисс Пауэлл радостно рассмеялась, несмотря на раздавшиеся в классе возгласы недовольства. Ее идея не понравилась никому, и сейчас на нее были направлены негативные эмоции всего класса. Наверное, я бы пожалела ее, но мне показалось, что ее слова адресованы непосредственно мне. На всех школьных занятиях, выполняя учебные задания, мы с Элиотом всегда были вместе и давно стали командой. Мы

понимали друг друга с полуслова. А теперь нас ни с того ни с сего собирались разделить. Я с недовольством наклонилась вперед, опираясь на локти. Мисс Пауэлл нажала кнопку, экран для слайдов взвился вверх, и мы увидели два столбца имен, написанные на доске.

Элиот издал такой звук, словно его душили – то ли потому, что ему предстояло выполнять задание вместе с Бри, то ли потому, что мисс Пауэлл объединила нас с Саймоном.

– Ведь это полезно – выполняя школьные задания, время от времени менять партнера? – Мисс Пауэлл отбросила назад волосы. – Все со мной согласны?

Бри пронзила ее уничтожающим взглядом и шепнула что-то на ухо Саймону. Мисс Пауэлл, однако, как ни в чем не бывало добавила:

– Если бы я хотела, чтобы вы сами выбрали себе партнера, я бы с самого начала вам об этом сказала.

– Ты в порядке? – поинтересовался Элиот. – У тебя странный вид.

– Я в норме, спасибо, – пробормотала я сквозь зубы.

Элиот ловко вертел в пальцах ручку – я знала, что он долго упражнялся, чтобы достичь такого мастерства.

– Будь с ним осторожна, – предупредил он. – Этот тип...

– Я знаю, что это за тип, – бросила я. – Все же это лучше, чем оказаться в паре с Бри.

– Она не такая уж ужасная. – Элиот поправил очки. – По крайней мере, на вид.

В этот момент я вдруг ощутила какое-то странное чувство. Нет, это была не ревность – скорее раздражение по поводу того, что чары Бри подействовали на Элиота слишком быстро, словно он был обычным парнем, одним из множества других. И еще – мне вдруг стало тревожно за него. Я знала, что его опыт общения с девушками очень невелик и уж во всяком случае недостаточен для того, чтобы иметь дело с Бри Карлсон. Я испугалась, что она съест его, как легкий завтрак, а к обеду забудет о его существовании.

– Боюсь, это будут самые длинные шестнадцать тактов в твоей жизни, – сказала я, обращаясь к Элиоту, и замерла – Саймон снова обернулся и посмотрел мне прямо в глаза.

– Эй, привет, – дружеским тоном произнес он, не обращая внимания на то, что в воздухе вокруг него сгустилось напряжение.

– Привет, – отозвалась я и с глупым видом уставилась на небольшой шрам в углу его рта, который мне уже доводилось видеть в параллельном мире.

– Итак, теперь, когда вы знаете, кто ваш партнер, – снова заговорила мисс Пауэлл, – передохните несколько минут, пообщайтесь немного, чтобы привыкнуть друг к другу, а потом мы...

В это время раздался звонок.

– Ну что ж, значит, займемся выполнением задания завтра, – подытожила учительница Пауэлл.

– До завтра, напарник, – сказал Саймон и, отвернувшись,

принялся собирать свои учебники.

– До сегодня, – уточнила я. Саймон снова обернулся. Лицо его выразило недоумение. – У нас еще история – последним уроком.

Саймон медленно кивнул, но было видно, что про историю он то ли забыл, то ли просто на нее не собирался.

– Как вам эта фифа Пауэлл? – возмутилась Бри, подталкивая Саймона к выходу. – Пойдем, эти занятия такой отстой.

Саймон покинул класс, больше не взглянув в мою сторону, что было для него вполне типично.

Я запихнула книги в рюкзак и следом за Элиотом тоже вышла в коридор.

– Она в самом деле напрасно разделила нас, – с трудом выдавила я.

– Что? А, да, та еще идея, – рассеянно согласился Элиот. – Слушай, а зачем твоя мать послала тебя и Адди в тот отраженный мир, где все случилось?

– Она меня не посылала. Если помнишь, задание предусматривало, что нам самим нужно выбрать один из отраженных миров. И к тому же со мной должна была отправиться не Адди. Но мой отец в самую последнюю минуту сообщил, что не сможет, сославшись на занятость.

– А почему она не возражала? Я просмотрел данные, которые ты добыла, – разломы были очень серьезные, такие нельзя считать приемлемыми параметрами стабильности. Твоя мать должна была это заметить, когда изучала карту.

– Когда она просматривала карту, все казалось в порядке.

Согласно правилам, перед тем как разрешить мне отправиться в очередное странствие по параллельным мирам, мои предыдущие прогулки подобного рода должен был проанализировать лицензированный Путешественник. Ему следовало проверить персонально каждое эхо, с которым я могла столкнуться. Маршрут обычно прокладывали с помощью компьютера, используя особую программу для проверки его безопасности. Моя мама была одним из лучших навигаторов. Если она сказала, что тот или иной мир достаточно стабилен для выполнения домашнего задания, значит, так оно и было.

– В отраженных мирах не так уж редко возникает непредвиденная турбулентность, – заметила я.

– Для того чтобы подобные сильные диссонансы возникли в таком относительно большом мире, должны пройти недели. А в твоем случае все произошло в течение каких-то часов. – Элиот покачал головой. – Может, это все-таки недогляд твой мамы? Если параллельный мир был серьезно поврежден еще до твоего прибытия, ты ни в чем не виновата – вина лежит на ней.

По отношению к полноправному, лицензированному Путешественнику Совет в подобной ситуации мог принять очень жесткие меры. Мама могла потерять свою должность – а может, и не только ее.

– Уверена, что моя мама не могла допустить такую ошибку.

ку, – сказала я.

– Я тоже, – кивнул Элиот. – Все же я думаю, что ты не виновата, Дэл.

Я вспомнила, как нитка, к которой был привязан злополучный воздушный шар, врезалась мне в кончики пальцев, и подумала, что Элиот, вероятно, ошибается.

Продолжение этого дня также не принесло мне ничего хорошего. Когда я шла на девятый урок, меня с деланым радушием окликнула Бри:

– Эй, Дэлани!

Не обернувшись, я молча продолжала идти.

– Дэлани, ты меня слышишь? – Бри догнала меня и хлопала сзади по плечу. – Я тебя зову, зову.

– Меня зовут Дэланси, – холодно сообщила я. – А не Дэлани.

– Не важно. – Бри сделала рукой неопределенный жест. – Послушай, как ты относишься к Пауэлл?

Я должна была догадаться, что Бри постарается не допустить, чтобы я занялась выполнением задания по музыке в паре с Саймоном. Мы с ней не дружили. У меня вообще не было подруг в Главном Мире, а если бы и были, Бри никак не могла бы оказаться одной из них.

– Нельзя допускать, чтобы нам навязывали партнеров, – заявила она, буквально излучая доброжелательность. – Ведь правда? Ты со мной согласна? Нельзя, чтобы наши результаты в учебе зависели от кого-то, кого мы толком даже не зна-

ем. А если человек, кого нам навязали в качестве напарника для выполнения задания, полный идиот?

Я мгновенно рассвирепела, но решила этого не показывать, а потому произнесла медоточивым тоном:

– Не беспокойся, Элиот не станет протестовать по этому поводу. Он очень терпеливый.

Приветливая маска медленно сползла с лица моей собеседницы. Черты ее словно окаменели.

– Я бы на твоём месте так не выпендривалась, сучка, – процедила Бри. – И вообще – мне кажется, было бы лучше, если бы ты держалась вместе с подобными тебе.

– Подобными мне? – переспросила я, думая, что Бри имеет в виду отнюдь не Путешественников.

– Ну да. – Она презрительно скривила губы. – В социальном смысле. И вообще, я просто пытаюсь помочь.

– Большое спасибо за заботу. Но мисс Пауэлл не позволит нам менять напарников.

– Позволит, если ты ее попросишь. По каким-то причинам она тебя обожает. – Бри оглядела меня с ног до головы. – Убеди ее, чтобы она дала нам возможность самим выбирать напарников.

Раздражение в моей душе сменилось гневом.

– С какой стати? Чтобы ты могла снова ронять слюни на Саймона? Он устал от тебя еще в сентябре, Бри. Будь уверена, он не станет заниматься повторением пройденного.

Повернувшись на каблуках, я пошла своей дорогой, оста-

вив собеседницу, готовую лопнуть от злости, стоять в коридоре.

Бри и ее подруги смотрели на любого человека как на ступеньку на пути к успеху или как на некую цель. Я же была странной девушкой, которая держалась особняком, постоянно сбегала с уроков и частенько не выполняла домашних заданий. Неудивительно, что для Бри и ее окружения я не могла быть ни тем ни другим. Я не слишком высоко ставила ее актерские способности и была не самого высокого мнения о ее игре в школьных спектаклях, хотя никогда и не пыталась превзойти ее. Так что для нее я в лучшем случае являлась человеком второго сорта – по крайней мере, до сих пор.

Теперь же я превратилась в угрозу.

– А, Дэл, – сказала миссис Грегори, когда я уселась на свое место. – Хорошо, что ты пришла. Вчера мы очень скучали по тебе. Нам тебя не хватало. Должна заметить, такое случается частенько.

– Ну, положим, скучали не все, – заявила Бри, входя в класс следом за мной.

Вокруг захихикали.

– Меня не было по семейным обстоятельствам, – сказала я.

– Однако в учительской нет записи о том, что кто-либо из твоих родителей поставил руководство школы в известность об этих самых... обстоятельствах. Это означает, как ты сама прекрасно понимаешь, что занятия были тобой пропущены

без уважительных причин.

Я вздохнула. Путешествия, в которые я отправлялась во время школьных уроков, разумеется, не входили в официальные задания. Я предпринимала их по собственной инициативе. Будучи незаконными, но на редкость увлекательными, они являлись моей личной тайной. Я просто не могла заставить себя сидеть в классе и скучать, когда меня вовсю манила Мультивселенная. Всякий раз, минуя скрытый от глаз обычных людей переход в другие миры, я слышала зов, похожий на песню сирен. Разве изучение событий войны 1812 года или решение квадратных уравнений могли сравниться с этими странствиями? Неудивительно, что мне был очень хорошо знаком интерьер кабинета завуча. Теперь предстояло в очередной раз отправиться туда.

Собирая в рюкзак книжки, я помахала миссис Грегори рукой:

– До завтра!

– Подожди, не уходи. – Она протянула мне стопку контрольных и несколько натянуто улыбнулась. – Раздай это, пожалуйста. И сделай вместе со всеми контрольную, а уж потом отправляйся к завучу.

Я стала молча ходить по классу от стола к столу. Когда я оказалась рядом с Бри, она, взяв вариант теста, нарочно выбила у меня из рук остальные и прошипела:

– Извини.

Когда же я нагнулась, чтобы собрать с пола бумаги, Бри

добавила:

– По крайней мере, он знает, что я существую.

– Что?

Я попыталась поднять последний лист с контрольной работой, но Бри поставила на него ногу в балетке леопардового цвета.

– Саймон, – пояснила она. – Ты в самом деле думаешь, что, выполнив вместе с ним одно задание, получишь шанс? Да если ты завтра пропадешь без следа, он этого даже не заметит.

Я продолжала стоять в неудобной позе, глядя на Бри и не двигаясь с места.

– Дэл, продолжай раздавать контрольные, пожалуйста. Мы не можем сидеть здесь до завтрашнего дня, – произнесла миссис Грегори.

– Берегись, тварь, – сказала Бри, понизив голос.

Пальцы мои сжались в кулаки, но мне все же удалось овладеть собой. Бри гордо выпрямилась на стуле, победоносно обводя взглядом помещение класса. Я посмотрела на тесты, которые еще не успела раздать. В них было множество вопросов – и все они казались мне такими ненужными, чуждыми. Я решила, что не стану отвечать на них, и положила стопку на край ближайшего стола.

– Дэл, что ты делаешь? – удивленно воскликнула миссис Грегори.

– Экономлю время, – ответила я, забрасывая рюкзак на

плечо. – Я передам завучу от вас привет.

Глава 7

Каждый Путешественник, передвигаясь по отраженным мирам, оставляет хорошо различимый звуковой след, как и любой предмет, принесенный из Главного Мира. Со временем сигнал слабеет, а затем становится неразличимым. При этом следы, оставляемые неодушевленными предметами, сохраняются дольше, чем сигналы, остающиеся от людей.

Глава 2 «Навигация». Принципы и практика разделения, год пятый

Когда я вернулась из школы домой, спрятав дневник с замечанием на дно рюкзака, мама сидела у кухонного стола. У ее локтя стоял стакан из прозрачного стекла, доверху наполненный пуговицами, а на коленях лежал свитер Монти.

– Звонили из школы, – сообщила она.

– Я знаю. – Когда завуч набирал наш номер и разговаривал с родителями, я сидела в его кабинете. – В следующий раз я буду более осторожной.

– Было бы лучше, если бы следующего раза не было, – заметила мама и откусила кончик нитки. – Присядь.

Я плюхнулась на стул и спросила:

– Ну, что Совет?

– Они хотят видеть тебя сегодня вечером. – Она подергала пришитую пуговицу и издала короткое удовлетворенное

восклицание. — Мы с папой отвезем тебя.

Меньше всего мне хотелось слушать в машине часовую лекцию о том, как должны себя вести хорошие девушки. Взглянув на чайник, который раскалился до такой степени, что цветом напоминал злополучный воздушный шар, и чувствуя, как мое горло сжимает спазм, я все же с трудом проговорила:

— Я поеду с Элиотом.

— Мы можем захватить и его. Нам тоже нужно там присутствовать.

— Вовсе нет. Вы ведь уже и так меня сдали, мама. Разве этого недостаточно?

— Это не...

Она замолчала, потому что в кухне появился Монти, держа в руках спортивный раздел газеты.

— Я что-то замерз, — заявил он.

— Ты как раз вовремя, — сказала мама с преувеличенным радушием и помогла ему надеть свитер. Наверное, Монти сегодня доставил ей много хлопот, но чем тяжелее ей с ним приходилось, тем бодрее и оптимистичнее она выглядела, словно полагая, что этим можно остановить его угасание. — Папа, я просто не понимаю, каким образом ты умудряешься постоянно терять пуговицы.

Монти подмигнул мне и предостерегающе поднес палец к губам. Хотя настроение у меня было хуже некуда, я с трудом подавила смешок.

– Зато теперь свитер как новый, и вот тебе в обмен на него моя самая любимая из девочек, – произнес дед и легонько чмокнул меня в щеку. – Ты Путешествовала? Роуз не встречала?

– Я была в школе, дед.

– Уже поздно. Роуз давно должна бы вернуться, – сказал Монти и зачерпнул из стакана целую пригоршню пуговиц. – Нам надо поискать ее.

– Как насчет того, чтобы перекусить? – предложила мама, с преувеличенной аккуратностью укладывая в коробку швейный набор, словно от того, насколько ровно будут разложены катушки с нитками и иголки, зависело, решатся ли в одночасье все проблемы семьи или нет.

Монти задумался, опираясь рукой о дверной косяк:

– Перекусить, говоришь?

– Я тебе сейчас что-нибудь приготовлю, – торопливо предложила я. В таких случаях Монти лучше всего было чем-нибудь отвлечь. – Как насчет мюслей? Сверху можно положить мед.

Он нерешительно потер подбородок, раздумывая, а затем уселся за стол с таким видом, будто сделал нам одолжение. Мама облегченно вздохнула.

– А я займусь другими делами, – промолвила она. – Дэл, мы выезжаем через час.

Я промолчала.

– Так ты сегодня Путешествовала или нет? – снова поин-

тересовался Монти, когда мама ушла. – Роуз нигде не видела?

– Нет, не видела. Я была в школе, понимаешь? – Дед часто задавал одни и те же вопросы, будто это могло изменить ответы.

– Ты в беде, – сообщил он. – Я слышал их разговор.

– Ты прав, – кивнула я, пряча лицо за дверцей кухонного шкафчика. – Я... совершила ошибку. Когда Путешествовала с Адди.

Монти негромко фыркнул:

– Нет ничего, что нельзя...

На этот раз я была не в том настроении, чтобы слушать песенки.

– Пойми, дед, я разделила и стерла целый мир. И с этим уже ничего поделать нельзя. Все произошло случайно. Я знаю, что мне никто не верит, но это так.

Монти ничего не сказал, поэтому я продолжила рыться в шкафчике в поисках мюслей, которые обычно хранились в большой стеклянной банке с герметичной крышкой.

– Знаешь, что мне непонятно? – спросила я после паузы. – Если отраженные миры представляют собой такую серьезную угрозу, то почему у меня неприятности из-за того, что я разделила один из них?

Ответа опять не последовало. Это показалось мне подозрительным, и я выглянула из-за дверцы.

– О, черт. Дед!

Монти исчез. Смутный контур перехода, которым он воспользовался, чтобы ускользнуть в параллельные миры, все еще дрожал в воздухе. Поторопившись, я могла бы догнать деда еще до того, как мама обнаружила бы его исчезновение. Честно говоря, я даже восхитилась тем, как ловко Монти провел нас, но у меня имелись сомнения по поводу того, что родители воспримут это так же, как я.

При условии, что они об этом узнают.

Действовать требовалось быстро – не только чтобы мама не успела узнать о бегстве Монти, но и по той простой причине, что оставленный им сигнал вскоре должен был стать неразличимым. Мне следовало отыскать деда до того, как его след остынет.

Схватив свой рюкзак – отправляясь в Путешествие даже ненадолго, я предпочитала иметь все инструменты под рукой, – я следом за Монти нырнула в портал.

Монти уже много лет наугад странствовал по отраженным мирам в надежде обнаружить хотя бы отголоски частоты, оставленной бабушкой. Но ему не везло – он так ни разу и не смог этого сделать.

В поисках его звуковых отпечатков я оказалась более удачливой. Окунувшись в какофонию перехода, я выждала немного и вскоре уловила достаточно чистое и сильное звучание обитателя Главного Мира. Прошло всего несколько минут, и Монти, судя по силе звука его следа, находился где-то недалеко. Он привел меня в параллельный мир с часто-

той, которая была очень близка к нашей.

Этот отраженный мир существовал уже давно. Кто-то заходил в отражение нашего дома, где я оказалась, и оснастил его суперсовременной бытовой техникой. Кухня была похожа на фото из каталога и прямо-таки сияла. Повсюду красовались цветочные композиции. При этом вокруг царил беспорядок, но это был *художественный* беспорядок, а не тот бедлам, который, несмотря на все усилия моей мамы, был так характерен для всех помещений нашего настоящего дома. На крючках рядом с дверью черного хода висели в ряд несколько рюкзаков с монограммами.

Я бросилась во двор и услышала звук сработавшего следующего перехода, похожий на стрекотание сверчков в сумерках. Пройдя сквозь него, я увидела на месте росшего у нас во дворе клена с багряного цвета листьями огромную ель. У подножия ее ствола лежала ярко-желтая пуговица, издающая звук на частоте Главного Мира.

Монти тоже оставлял за собой свой хлебный мякиш.

Однажды, когда мне было пять лет, я заблудилась. Родители были на работе, Адди практиковалась в игре на фортепьяно. Выскользнув из дома, я нашла незнакомое отражение нашего заднего двора, где увидела стоящие в ряд разнообразные качели и прочие радости, которые так нравятся детям. Там было все – и карусели, и турники, и горка, по которой можно было плавно скатываться вниз. Учитывая, что у нас во дворе имелась только тарзанка, которую папа сделал

сам и которой мы с Адди пользовались по очереди, я забыла обо всем и потеряла счет времени. В итоге то, что начиналось как увлекательное приключение, едва не превратилось в трагедию. Я не смогла найти ни тот переход, через который проникла в параллельный мир, ни другие.

К счастью, в один прекрасный момент появился Монти, вертевший в пальцах пуговицу. Он подхватил меня на руки и сказал, что любит меня больше всех и я самая умная девочка на свете. Даже тогда я уже устала слышать бесконечные похвалы, расточаемые всеми в адрес Адди. До сих пор, вспоминая тот момент, я чувствовала радость и тепло в груди. Дед протянул мне пуговицу, издающую звук на частоте Главного Мира, и объяснил, что если я буду оставлять за собой след из хлебного мякиша, он всегда найдет меня, а уж вместе мы обязательно отыщем дорогу домой.

Теперь мне обычно не хотелось, чтобы меня кто-нибудь нашел. Однако, Путешествуя, я оставляла за собой дорожку из бумажных звездочек – просто по привычке. И пожалуй, еще в память о том, как нам с дедом когда-то бывало весело вместе.

Пройдя через еще один портал, я увидела Монти – он ждал меня, опираясь спиной о почтовый ящик, сделанный в виде огромной металлической рыбы.

– Ты меня напугал! – сердито воскликнула я.

– Не стоило пугаться, – произнес дед, вынимая из кармана маленькую серебряную пуговку. – Мне просто захотелось

немного размять ноги.

– Нам надо возвращаться, или мама меня убьет.

– Сегодня такой хороший день, Дэланси. Прогуляйся со мной.

Монти бросил пуговицу на землю и, что-то тихонько напевая себе под нос, зашагал прочь. Вдалеке я могла без труда разглядеть хорошо знакомую мне с детства водонапорную башню. Однако мы с Монти находились среди современных городских особняков, построенных в стиле эпохи Тюдоров. Их крыши имели крутые скаты, а балконы были украшены деревянными вставками.

Обычно быстро усваиваешь, что не стоит переживать из-за того, что мир вокруг меняется. Путешественники должны были не определять, какой из отраженных миров лучше – их дело было решать, какие из них представляют собой угрозу Главному Миру. К сожалению, безвкусица в архитектуре опасной не считалась.

Я догнала Монти и взяла его за руку:

– Дед, сегодня вечером меня вызывают на Совет.

– Вон что. Ну, времени у нас достаточно. – Внезапно Монти резко остановился. – Ты чувствуешь это?

Может, временами ему и изменял рассудок, а слух он утратил уже давно, но осязанию Монти мог позавидовать любой. Я вытянула вперед руку и постаралась сосредоточиться. Вскоре я ощутила вибрацию, производимую переходом, который без Монти наверняка прозевала бы.

Снова и снова земля под нашими ногами видоизменялась, превращаясь то в асфальтовый тротуар, то в цементную дорожку, то в протоптанную в траве тропинку, то в жидкую, липкую грязь. Это означало, что мы совершаем большие прыжки из одного параллельного мира в другой. В каждом из них Монти, лукаво улыбаясь, бросал на землю пуговицу. Вскоре мы оказались очень далеко от исходной точки нашего Путешествия, в мирах, которые сами являлись всего лишь эхом других отраженных миров.

Во время подобных прогулок мне нравилось ощущать, какой гигантской, поистине бескрайней была Мультивселенная. Я искренне надеялась, что когда-нибудь стану Путешествовать не только в отражениях хорошо знакомого мне мира, но и других стран и континентов. Если существовало столь огромное, практически нескончаемое разнообразие на площади в несколько квадратных миль, то каково изучать миры, возникшие как отражения Рима, Индии или Антарктики?

Я замедлила шаг. Сколько параллельных реальностей я уничтожила, случайно разделив одну из них? Какому количеству вариантов не дала возникнуть?

– Тебе ведь приходилось разделять миры и проводить их зачистку, да? – обратилась я к Монти. – Ну, когда ты еще был Членом Совета?

– Я тогда был молодой и глупый. Вижу, тебя беспокоит то, что случилось.

– Я постоянно думаю о них, – сказала я, имея в виду людей, которые из-за меня исчезли, будто их никогда не существовало. – А тебя такие вещи не беспокоили?

Монти внимательно осмотрел потрескавшийся тротуар под ногами и ответил:

– Это до сих пор меня беспокоит. И так и должно быть.

– Но ведь они всего лишь эхо – все так говорят.

– Не все. – Помрачневшее лицо Монти вдруг прояснилось. – Ну а теперь выбирай, куда мы отправимся дальше.

– Пойдем домой? – предложила я и посмотрела на часы.

Элиот уже скоро должен был за мной зайти. Если бы я перехватила его на полдороге, мы с ним могли бы отправиться на Совет вместе. В этом случае мне не пришлось бы ехать в машине с родителями, выслушивая бог знает какие упреки. Перепрыгнуть в Главный Мир мы с Монти могли прямо из того места, где находились, но нам все равно пришлось бы возвращаться из центра города к нашему дому, так что времени было в обрез.

– Уже? Нам было так весело, – недовольно сказал Монти и упрямо выпятил подбородок. – Давай сделаем еще один переход.

– Хорошо, но только один, а потом пойдем обратно.

Мы пронеслись сквозь портал, и я с неудовольствием принялась осматриваться.

Отраженный мир, в который мы на этот раз попали, явно переживал упадок. Двери каждого третьего магазина бы-

ли заколочены листами фанеры, изрисованными граффити, водосточная канава замусорена обертками от еды, сигаретными окурками и обрывками газет. Если бы мы были дома, то находились бы прямо на пороге заведения, где продавали фруктовые соки.

– Ты не голодна? – лукаво улыбнулся Монти.

Мы оба посмотрели на женщину в балахоне с изображением Снупи на груди, которая замешкалась на перекрестке, собираясь перейти дорогу, а затем все же решила подождать разрешающего знака светофора. Перед нами прямо из воздуха возник портал. Загорелся зеленый сигнал для пешеходов, и в ту же секунду «Форд»-седан, грубо нарушая правила, пронесся через перекресток. К этому времени мы с Монти были уже внутри перехода. Я почувствовала, как по моей спине поползли мурашки. Смогла ли женщина, оставшаяся по другую сторону портала, перейти на другую сторону улицы невредимой? Вернее, эхо женщины, поправила я себя.

В общем, принятое ею решение дало нам возможность быстро попасть в другой параллельный мир.

– Ну, а теперь давай-ка споем «Ловкие пальцы», – предложил Монти.

Это была еще одна детская песенка, которую мы с ним часто пели во время Путешествий и которая, похоже, отпечаталась в моем сознании навсегда.

Ловкие пальцы, быстрый ум,

Напою мелодию я по пути.
Ловкие пальцы, быстрый ум,
Найдите мне то, что я должен найти.

Держась за рукав Монти, я осторожно перебралась из перехода в следующий мир, отчетливо слыша нужную частоту, словно радиосигнал, прорывающийся сквозь помехи. Затем глубоко вздохнула и ощутила разлитый в воздухе сладкий запах. На противоположной стороне улицы располагалась пекарня с розовой электрической вывеской, в витрине которой были выставлены сладости.

– Пончики! – воскликнул Монти и радостно потер руки. – Только матери не говори. Иначе она будет ругаться, что я перебил аппетит перед обедом.

– Поверь мне, я ей и слова про это не скажу. Как ты нашел это место?

– Случайно на него наткнулся. Послушай, ты не хочешь угостить своего старого дедушку вкусеньким?

Я была уверена, что Монти недаром привел меня сюда. Окружающие нас звуковые частоты несколько диссонировали с нашими, но разница была не критичной, так что мы могли задержаться на несколько минут. Я вручила деду мятую пятидолларовую бумажку, надеясь, что в параллельном мире, где мы оказались, используют ту же валюту, что и в нашем.

– Один пончик, – строго сказала я. – И, пожалуйста, не за-

держивайся, ладно? Мне нужно поскорее вернуться домой.

– Не волнуйся. Мы идем по графику, – произнес Монти и похлопал меня по плечу.

Затем он зашагал через улицу. Я последовала за ним. Этот вариант центра города был куда более симпатичным, чем тот, который мы только что покинули. Тротуары чисто подметены, товар в витринах аккуратно разложен, хотя, возможно, местные магазины и не могли похвастаться таким изобилием, как те, мимо которых я проходила каждый день дома. Заметила я и другие отличия. На месте антикварного магазина располагалась скобяная лавка, а на месте студии йоги – аптека. Вдоль улицы стояли припаркованные вплотную друг к другу машины, а тротуары были заполнены людьми. Монти предусмотрительно коснулся какого-то мужчины, чтобы стать видимым. На улице рядом с пекарней кто-то привязал к спинке скамейки собаку. Это был лабрадор шоколадного цвета с красным платком на шее.

– Игги, – прошептала я.

Отражения одних и тех же объектов нередко накладывались друг на друга, однако видеть перед собой того же пса, который еще совсем недавно был стерт вместе с окружающим его миром, было очень странно.

Игги оглушительно залаял и попытался подняться на задние лапы, натягивая поводок.

Я удивленно заморгала. Впрочем, я знала, что некоторые животные обладают настолько чувствительным слухом, что

могут узнать человека по голосу даже после мимолетного и однократного контакта. Похоже, Игги был одним из таких.

– Хороший мальчик, – улыбнулась я, приближаясь к собаке с вытянутой вперед рукой, чтобы погладить ее. – Ты что здесь делаешь?

В ту же секунду дверь пекарни открылась, и на улицу вышел Саймон с бумажным пакетом в руке. Это другой Саймон, торопливо напомнила я себе, глядя на высокого молодого человека с растрепанной шевелюрой, одетого во фланелевые брюки, кожаную куртку и грубые рабочие ботинки. Баскетболом здесь, похоже, и не пахло.

– Успокойся, – сказал он псу, отвязывая поводок.

Тот заскакал на месте, а затем, обретя полную свободу движений, радостно налетел на меня всем своим семидесятифунтовым телом. Я стала трепать его уши, рассматривая третьего Саймона за последние два дня и пытаюсь вспомнить частоту того мира, где встретила второго. Ясно было одно – тот, который сейчас находился передо мной, излучал более гармоничные и стабильные звуковые колебания, чем Саймон из парка. Я вздохнула с облегчением, осознав, что, по крайней мере, этот Саймон находится в безопасности.

Молодой человек ухватил Игги за ошейник, случайно коснувшись при этом моей руки. Наши глаза встретились, и во взгляде Саймона номер три мелькнула искорка интереса.

– Из-за твоего поведения я плохо выгляжу в глазах других людей, Иг, – сказал он.

По правде говоря, мало что могло заставить Саймона плохо выглядеть. Даже брошенные им девицы только и трещали что о его глазах, руках и о том, как заразительно он смеется. Он не из тех, говорили эти дурехи, с кем можно строить продолжительные отношения, но все же общаться с ним интересно и весело.

– Игги не укусит, я обещаю, – сказал Саймон, неправильно истолковав мое молчание.

Я посмотрела на его руку, вокруг которой обвился поводок. Этот Саймон вместо кожаного ремешка и цифровых часов носил на запястье серебряный браслет из белого металла, возможно, серебра, в виде изогнутого миниатюрного железнодорожного костыля. Но руки у него были такие же, как раньше, – сильные, с мозолистыми ладонями.

– Я вас знаю? – спросил он.

Я почувствовала, как в груди у меня словно запорхали, синхронно взмахивая крыльями, сотни бабочек.

– Меня зовут Дэл, – отозвалась я внезапно охрипшим голосом. – Может, мы встречались в школе?

– Может быть. А может, мне стоит проверить зрение.

– Вот как? – Я заглянула в окно пекарни. Монти стоял у прилавка, разглядывая пирожные.

– Ну да. – Саймон немного понизил голос, и в нем зазвучали игривые нотки. – Если я вас до сих пор не заметил, значит, у меня что-то с глазами.

– Что вы говорите? И это все, на что вы способны – клеить

девушку, причем самым примитивным способом?

Там, в Главном Мире, в этой ситуации я бы страшно смушалась и мямлила какую-нибудь чушь. Здесь, в параллельной реальности, общаться с Саймоном было легче – я понимала, что все, что меня окружает, ненастоящее. Улыбка моего собеседника стала печальной и от этого еще более чарующей.

– Похоже на то. А что, заметно, что я вас клею?

– Во всяком случае, приза за оригинальность вы не получите. А что вы здесь делаете?

– Сегодня четверг, – произнес Саймон и приподнял в руке белый бумажный пакет. – Моя очередь готовить обед. Я всегда покупаю для мамы что-нибудь вкусненькое – чтобы компенсировать чудовищное впечатление от остальных блюд.

– При желании вы могли бы научиться готовить.

– Но я люблю заходить в эту пекарню, – пожал плечами Саймон. – И потом, если бы я сегодня не заглянул сюда, то не встретил бы вас.

Я вдруг почувствовала себя подозрительно счастливой.

– Сегодня в «Грандис» будет играть одна группа, – сказал Саймон. – Очень приличная. Может, сходим, послушаем вместе?

Это приглашение удивило меня не меньше, чем аналогичное предложение Саймона из парка. События в параллельных мирах, находящихся близко друг от друга, нередко повторялись. И как и в первом случае, у меня имелся целый

миллион причин для того, чтобы ответить «нет». Но иногда лучшие решения принимаются не на основе доводов разума, а интуитивно.

Колокольчик над дверью пекарни звякнул, и на улице появился Монти. В одной руке он держал батон, в другой – чашку кофе, а в зубах сжимал остатки жареного пирожка.

– Мне пора идти, – сообщила я.

Вероятно, приглашая девушку на свидание, Саймон привык слышать другие ответы. На лице его обозначилась морщина.

– Это значит «да»?

– Это значит – «может быть». Пока, Игги. Не нарывайся на неприятности.

Взяв Монти за руку, я повела его обратно в сторону перехода.

– Ты что, познакомилась с этим парнем? – поинтересовался Монти, продолжая жевать пирожок и одновременно провожая внимательным взглядом Саймона и Игги, которые, перейдя улицу, забрались в обшарпанный черный джип.

– Его зовут Саймон Лэйн. Мы с ним учимся в одной школе.

Я в очередной раз посмотрела на часы. Элиот должен был зайти за мной уже совсем скоро.

– Саймон, – с задумчивым видом повторил Монти. – А это не тот, который...

– Ну да, тот самый, – подтвердила я. – Из стертого мира.

Монти кивнул, явно довольный тем, что память не подвела его. Обратный путь в Главный Мир мы прошли быстро и без помех. Из центра до нашего квартала мы добрались как раз в тот самый момент, когда Элиот подъехал к дому на «Субару», принадлежащем его матери, и стал парковаться там, где обычно оставляла свою машину Адди. К этому времени она, как правило, уже возвращалась со стажировки. Застав нас с Элиотом вместе, сестра давала нам несколько советов, которых мы не просили, и шла к себе, чтобы продолжить ковыряться с какими-то бумажками.

– А где Адди? – спросила я.

– Твоя мама говорила, что ее вызвали на Совет, – ответил Монти и слизнул с большого пальца остатки глазури.

– Одну? – удивилась я.

Мама твердо стояла на позиции, что мне не следует появляться на Совете без сопровождения. Почему, интересно, это ограничение не распространялось на мою сестру?

– Ну да, похоже на то, – кивнул дед.

Если Адди могла выступать на Совете самостоятельно, значит, это под силу и мне, решила я.

– Послушай, дед, ты ведь дойдешь до дому один? Больше, надеюсь, никуда не сбежишь?

– Не беспокойся за меня. – Монти похлопал меня по руке. – Езжай, пока мать тебя не перехватила.

Поцеловав Монти в щеку, я побежала к машине Элиота, а дед поковылял вдоль боковой стороны дома в глубь участка.

– Поехали! – сказала я, плюхнувшись на переднее пассажирское сиденье и поставив рюкзак на колени.

– Привет. Что, опять какие-то проблемы? – осведомился Элиот.

– Никаких – при условии, что меня не поймают мать. Поэтому трогай поскорее, ладно? Я хочу прибыть на место как можно быстрее.

– Пристегнись, – сказал Элиот и включил заднюю передачу. – У меня такое ощущение, словно я сижу за рулем машины, на которой злоумышленники скрываются с места преступления.

– Тогда пошевеливайся!

В тот самый момент, когда мы отъехали, на главном крыльце дома появилась мама. Сообразив, что происходит, она раздраженным жестом уперла руки в бока и крикнула:

– Дэланси!

Голос ее, однако, прозвучал едва слышно. Но я не сомневалась, что позднее она обязательно наверстает упущенное.

Глава 8

Путешественники делят Главный Мир с обычными людьми, но мы с ними действуем в очень разных сферах. Знакомство и деловые отношения с ними являются приемлемыми, но сильные привязанности не одобряются.

Одно из важнейших требований к Путешественникам состоит в том, что они должны держать свой дар в тайне. В противном случае обычные люди, не понимающие степень нашей ответственности, будут пытаться использовать нас и Мультивселенную в своих интересах, что приведет в катастрофе.

Глава 10 «Этика и управление». Принципы и практика разделения, год пятый

Мы с Элиотом бывали в здании Совета множество раз. Сначала в раннем детстве, во время совместных семейных прогулок. Затем, когда нам исполнилось по одиннадцать лет и у нас начались специальные занятия, нас стали привозить сюда регулярно – это делала то его мама, то моя. Со временем мы стали ездить сюда на поезде самостоятельно – наши родственники верили, что мы не станем у всех на глазах нырять в переходы, окружающие местную железнодорожную станцию. Наш класс собирался четыре раза в неделю. За одно занятие по отработке практических навыков Путешественника я узнавала гораздо больше полезного, чем за це-

лый месяц учебы в средней школе.

Для обычных людей штаб-квартира Совета выглядела точно так же, как любое другое офисное здание вблизи окружной железной дороги в районе Чикаго. «Совет по управлению изменениями» – такая надпись красовалась на вывеске рядом с парадной дверью. Никто не мог бы сказать, чем занимаются сидящие в здании люди, но жители города привыкли к нему и перестали замечать и его, и странное название. Мои родители получали от Совета выплаты – медицинскую страховку, пенсионное обеспечение. Кроме того, он погашал их расходы на такси. Офисы Совета были разбросаны по всему миру. За ними стояли целые общины Путешественников, которым филиалы Совета давали возможность существовать у всех на виду, не привлекая к себе внимания. Разумеется, это требовало финансирования. Чтобы получить необходимые средства, использовалась информация, добытая в параллельных мирах. Путешественники подняли торговлю инсайдерскими данными на принципиально новый уровень.

Мы с Элиотом знакомой дорогой отправились с вокзала «Юнион стэйшн» к зданию Совета. Пересекая реку по мосту Адамса, я изо всех сил старалась не смотреть на серо-зеленую воду где-то внизу. Наконец, припарковав машину, мы зашагали по улице, преодолевая последнюю часть пути пешком. У перехода через Уэкер-стрит мы остановились, ожидая зеленого сигнала светофора.

– Про мой прокол узнают все на свете, – с тоской произнесла я, теребя лямки рюкзака. – Наверное, там как раз обсуждают меня.

Светофор переключился, и Элиот потащил меня за руку на противоположную сторону улицы, огибая спешащих нам навстречу других пешеходов.

– Перестань шаркать ногами! – раздраженно бросил он. – Ты же любишь, когда о тебе говорят.

– Да, но не тогда, когда люди судачат о том, какая я дура. Так что это не тот случай.

– Большинство наверняка ничего не узнает.

Я недоверчиво усмехнулась.

– Еще как узнают. И будут смаковать подробности. Плакал мой рейтинг в классе.

В отличие от учеников обычных школ тем, кто обучался навыкам Путешественника, оценок не ставили, а присваивали рейтинги. Мой был безнадежно средним.

Рейтинг складывался из результатов работы в поле и выполнения аудиторных заданий. Практические занятия давались мне легко. Я хорошо ориентировалась среди ответвлений параллельных миров, легко проникала из одного в другой через переходы, без труда распознавала все сигналы... в общем, чувствовала себя в своей стихии. Соответственно, и показатели у меня были прекрасные.

Занятия в классе мне не давались. Там ни на кого не производили ни малейшего впечатления мои интуиция и спо-

способность к импровизации. Главным было точное следование протоколам Совета. Элиот не раз пытался мне помочь, но, когда он принимался мне что-то объяснять, становилось очевидно, что мой мозг устроен иначе, чем у большинства сверстников, имеющих дар Путешественника. В глазах же Совета слово «иной» являлось антонимом слова «хороший».

Мой рейтинг и результаты выпускного экзамена должны были определить, куда именно меня определяют на практику. Разумеется, каждый из нас мог высказать по этому поводу свои пожелания, однако решение всегда оставалось за Советом. Никогда прежде я не осознавала с такой отчетливостью, что моя судьба находится в руках других людей. Теперь, когда ко мне пришло понимание этого, захотелось изо всех сил пнуть что-нибудь твердое.

Мы остановились у стеклянных дверей, ведущих в здание. За ними находился на редкость безликий вестибюль – мраморные полы, стойка охраны, выстроившиеся в ряд лифты, несколько низких диванов и столиков. Наши одноклассники сбились в стайку в углу – многие еще не успели снять пальто и рюкзаки.

– Послушай, – сказал Элиот, глядя на двух похожих друг на друга, словно близнецы, охранников за стойкой. – Когда ты окажешься перед Советом... В общем, сделай вид, будто ты сожалеешь о том, что сделала.

– Но я *действительно* сожалею, – произнесла я, вспомнив, как при виде исчезающих предметов и людей мой жи-

вот светло спазмом. – Мне ни к чему притворяться.

– Вот и хорошо. И не пытайся винить во всем Адди. Они все ее обожают, а значит, наверняка встанут на ее сторону.

– Тоже мне новость, – пробормотала я.

Элиот взял меня за руку:

– Мы ведь не хотим опоздать, верно?

Я кивнула, и он открыл передо мной стеклянную дверь.

Всякий раз, когда я переступала порог этого здания, по коже у меня пробегали мурашки. Есть какая-то странная власть и сила в тайнах, в скрытом знании, и чем глубже эти тайны спрятаны, тем эта сила больше. В здании Совета она буквально ощущалась в воздухе. Это сооружение хранило от обычных людей секреты, разузнать которые они не могли и мечтать, а потому не имело значения, сколько репродукций Моне висело в коридорах или насколько пестрыми были ковры и обивка мебели. Концентрация силы и власти в здании буквально зашкаливала и не позволяла обращать внимания на такие мелочи, как особенности интерьера.

На сей раз, как только я вошла внутрь, меня охватил страх, холодный и липкий.

– Дэл! – окликнула меня сидящая в углу на кушетке Келли Морено.

Люди повернули головы в мою сторону. Бормоча себе под нос невнятные ругательства, Келли встала и, бросив в сторону остальных презрительный взгляд, направилась через вестибюль ко мне. В тишине каблук ее громко стучали по

мраморному полу. Подойдя, Келли улыбнулась мне – тепло и несколько встревоженно:

– Это правда? Логан сказал, что ты...

– Дэланси Салливан? – спросил один из охранников, выходя из-за стойки. – Вы должны пройти со мной.

Улыбка исчезла с губ Келли. Элиот шагнул вперед.

– Куда? – спросил он. – И кто это сказал?

Боковым зрением я заметила, что мои одноклассники потихоньку подбираются поближе, чтобы не пропустить ни слова.

– На шестнадцатый этаж, – отчеканил охранник, выпятив грудь. – По требованию Совета.

– Но через пять минут начинаются занятия, – произнесла я внезапно севшим голосом.

– Не для вас, – самодовольно ухмыльнулся секьюрити.

Повернувшись к нему спиной, Элиот взглянул на меня. Он явно нервничал, глаза его возбужденно блестели.

– Я пойду с тобой.

Охранник взмахнул рукой, и к нему присоединилась женщина в такой же униформе – плохо сшитых черных брюках и белой рубашке с черной окантовкой. С ремня ее свисали электрошокер и прочие спецсредства.

Во избежание возникновения в здании турбулентности и несанкционированного появления переходных порталов местные охранники не носили огнестрельного оружия. До сегодняшнего дня я предполагала, что электрошокеры и бал-

лончики с перечным газом, которыми они были снабжены, были нужны, чтобы обычные люди не проникли в нашу штаб-квартиру и не обнаружили, что на свете существуют Путешественники. Однако теперь, когда подоспевшая охранница впилась в моего друга хищным взглядом, я поняла, что была не совсем права.

– На Совет вызвана только Дэланси. Мы препроводим ее в зал заседаний. Остальные, как обычно, отправятся на занятия, – громко и гнусаво произнесла женщина в форме охранника.

Элиот снова взглянул на меня, давая понять, что готов вступить в спор.

– Это моя проблема, – сказала я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. – Скоро увидимся.

Может, мне просто вынесут предупреждение и отпустят? Тогда я буду примерной ученицей, стану всем помогать в домашних делах. Превращусь в паиньку похлеще Адди. Я была готова на все что угодно – только бы мне не запретили Путешествовать.

Мои одноклассники преграждали нам дорогу к лифтам. За их спинами уже успели сгрудиться малыши, которые тоже приехали на занятия. Многие из них были с родителями. Все столпившиеся в вестибюле – по крайней мере, мне так казалось – смотрели на меня. Услышав, как при моем приближении стихает гул голосов, я почувствовала, что кровь приливает к щекам. Мне хотелось, чтобы меня знали благо-

даря моему мастерству, а не из-за моих фиаско.

Сфокусировав взгляд на дверях лифтов, я шла сквозь толпу, стараясь не обращать внимания на раздававшиеся шепот и злорадное хихиканье. Стыд жег меня, будто огнем. Но, когда я увидела за закрывающимися стальными створками сочувственное лицо Элиота, мне стало еще хуже, хотя хуже было уже некуда.

Раньше я думала, что сочувствие выдержать легче, чем насмешки. Но оказалось, что это не так. Насмешки заставляют человека ощетиниться, выставить защитные редуты. Жалость и сочувствие легко проникают в душу и рвут ее изнутри.

Не что-нибудь, именно жалость ломает людей.

Один из охранников сунул в щель на панели управления лифта карточку и нажал кнопку шестнадцатого этажа. Я хотела спросить у своих сопровождающих, что будет дальше, но они, поставив ноги на ширину плеч и сцепив пальцы за спиной, смотрели куда-то поверх моей головы невидящими взглядами. Поэтому я поняла, что, если даже я обращусь к ним, они вряд ли поддержат беседу.

Интересно, мелькнула у меня мысль, знают ли они, что я натворила, или же просто выполняют указание Совета без промедления доставить меня в зал заседаний? Из двух вариантов второй показался мне более вероятным. Обычно никто не задавал членам Совета вопросов, а их распоряжения выполнялись незамедлительно и без какого-либо обсуждения.

Приказам Совета беспрекословно подчинялись даже мои родители.

На табло лифта поочередно загорались кнопки этажей, мимо которых мы проезжали. Наконец кабина замедлила движение и остановилась. Я непроизвольно сжала пальцы в кулаки. Двери лифта разъехались в стороны.

В холле, интерьер которого был выдержан в кремовых и черных тонах, стояли мои родители со скорбно опущенными головами. Монти, подслеповато озираясь, сидел неподалеку от них на обитом черной кожей диване. Наверное, он бывал в этом помещении множество раз, однако вид у него был такой, словно он оказался здесь впервые.

Один из охранников подтолкнул меня в спину, и я, неловко споткнувшись, шагнула в холл. Мама посмотрела на меня, и ее губы от раздражения сжались в тонкую линию.

– Дэл! Почему ты убежала? Мы ведь собирались поехать вместе.

– А я сказала, что поеду с Элиотом. Я в состоянии добраться сюда и без тебя.

У меня вдруг начали потеть ладони.

– Ты несовершеннолетняя. Совет не может огласить приговор, если не будем присутствовать мы, твои родители.

– Приговор? – изумилась я. – Меня что, будут судить?

– Нет, дорогая. – Отец взял меня за руку и привлек к себе, будто пытаясь защитить от собственных слов. – Суд уже закончился. Совет вызвал свидетелей, изучил все материалы...

Я резко отстранилась.

– Мне даже не позволили выступить в свою защиту!

– Ты вряд ли могла что-либо сказать в свою защиту, Дэл. Намерения не в счет. Объяснения тоже. Единственное, что имеет значение, – это конечный результат, – с горечью промолвил отец.

– Они глухие и немые, – проворчал Монти. – Они все и каждый из них.

– Папа! – воскликнула моя мама.

Монти раздраженно махнул рукой.

– Роуз говорила, что одно из мест в Совете следовало бы отдать мне. Она считала, что так я мог бы принести кое-какую пользу. Не давай им запугать себя, Дэл. Ты стоишь десятка таких, как они.

– Папа, так ты делу не поможешь, – заметила мама, устало массируя переносицу. – Пожалуйста, держи все это при себе хотя бы до тех пор, пока мы не доберемся до дома.

Презрение, с каким Монти относился к Совету, для меня не было сюрпризом. Оно было вызвано фактом, что Члены Совета так и не смогли отыскать его супругу, мою бабушку. Однако если бы его слова услышал кто-нибудь из недоброжелателей, они могли быть истолкованы как угодно.

– Между прочим, я все помню, – сказал Монти, постучав себя по лбу согнутым пальцем.

Я подумала, что, наверное, было бы лучше, если бы он остался дома. И тут вдруг до меня дошло, что в вестибюле

нет еще одного члена нашей семьи.

– А где Адди? – спросила я.

Отец ухватился за узел своего галстука. Путешественников, особенно тех, кому доверяли проводить зачистку поврежденных миров, редко можно было увидеть при параде, в костюмах, отглаженных рубашках и галстуках. Теперь я поняла почему. При их работе подобная одежда становилась помехой.

– Она еще там, внутри.

Я ощутила прилив сочувствия к сестре, но в то же время и облегчение от того, что оказалась не единственной подсудимой. Вероятно, Совет уже огласил свой приговор для Адди, поскольку она не считалась несовершеннолетней.

Женщина-охранник плотнее прижала к голове наушник и указала нам на двойные двери зала заседаний Совета:

– Входите.

Монти с криком поднялся с дивана. Мама помогла мне взять рюкзак и пальто и вручила то и другое отцу. Мне показалось, она хотела что-то сказать, но передумала. Мама заправила мне волосы за уши и вздохнула с таким видом, словно это было все, что она могла для меня сделать. Отец, не глядя мне в лицо, взялся за ручку двери.

Меня начала бить дрожь. Похоже, ситуация развивалась по наихудшему из сценариев, о котором я попросту старалась не думать. Все свидетельствовало о том, что меня собираются отправить в тюрьму. В темницу, откуда нет выхода.

Монти успокаивающим жестом накрыл мои пальцы своей рукой – небольшой, сухонькой, со вздувшимися голубыми венами.

– Я с тобой, – сказал он.

– Спасибо.

Я посмотрела на мраморную табличку на дверях зала заседаний Совета. На белом полированном камне было высечено видимое изображение звуковой частоты Главного Мира, звуковая волна в виде идеально симметричных колебаний – линий, скачущих вверх-вниз. Лозунг, высеченный на табличке, в краткой форме выражал суть того, чему меня учили:

Песнь истинная – ей вся честь;

Песнь истинная – она всему начало.

Впервые в жизни эти строки показались мне фальшивыми. Способность Путешествовать по параллельным мирам являлась моим врожденным даром. Однако те, кто сидел в зале заседаний Совета, обладали правом лишить меня возможности им пользоваться. Я поняла, что именно здесь и именно сейчас, в этот самый момент, определится моя дальнейшая судьба. Все зависело от одного решения.

И его принимала не я.

Глава 9

Малых Советов сорок восемь. Каждый из них несет ответственность за конкретную временную зону по одну из сторон экватора. Они управляют параллельными мирами. Сами Малые Советы и Путешественники, находящиеся в их зоне ответственности, подотчетны Главному Совету. Глава 10 «Этика и управление». Принципы и практика разделения, год пятый

Зал заседаний Малого Совета – это звучало более чем внушительно. Однако само помещение было небольшим и незапоминающимся. Заурядный серый ковер, белые стены – и никаких стульев, кроме тех, которые стояли у стола в передней части комнаты. Трое Членов Совета уже сидели на своих местах, внимательно наблюдая за каждым моим движением. Адди стояла чуть в стороне, держа руки со сцепленными пальцами перед собой на уровне живота.

Члены Совета, находившиеся в зале заседаний, занимали свои посты уже очень давно – во всяком случае, сколько я себя помнила. Вероятно, они застали еще времена, когда Монти работал в полную силу. Перед исчезновением моей бабушки он достиг больших карьерных высот, возглавляя команду чистильщиков, которую отправляли в самые дальние и опасные параллельные миры. Но дед не подал виду, что узнал кого-либо из них.

Мама подвела его к стене, что-то говоря ему так тихо, что я не смогла разобрать ни слова. Адди присоединилась к ним, встав рядом с дедом. Вид у нее был усталый, но решительный. Похоже, ей здорово досталось.

– Подойдите ближе, Дэланси, – сказала женщина, сидящая в центре. – Я член Совета Крэйн.

Я и без того знала, кто она такая. Знала всех сидящих за столом, хотя никогда с ними не встречалась. Совет состоял из трех членов, каждый из которых представлял одно из направлений деятельности – этическое, научное и прикладное. Этики разрабатывали правила и инструкции. Научники занимались изучением свойств Мультивселенной, то есть Главного и параллельных миров. Задачей прикладников было практическое применение действующих законов и правил при разделении и зачистке отраженных реальностей. Наличие в Совете представителя каждой из этих специальностей должно было обеспечить сбалансированность решений – все они принимались только единогласно. В том, что касается меня, Члены Совета наверняка уже пришли к единому мнению.

Голос у Крэйн был глуховатый и чуть надтреснутый. Седые, коротко остриженные волосы придавали ей суровый вид, несмотря на то что взгляд ее глаз из-за стекол очков без оправы не был слишком жестким или строгим. В целом у нее был вид не слишком доброжелательной, но справедливой женщины. Поскольку именно она представляла этиче-

ское направление, огласить мой приговор предстояло ей.

Я сделала несколько шагов вперед, чтобы оказаться в центре помещения, и постаралась придать себе сокрушенный и кающийся вид.

С левой стороны от Крэйн сидела Болтон, представительница научного направления. Ее темные волосы, в которых густо серебрилась седина, были примерно такой же длины, как у меня, но заплетены во множество мелких косичек и схвачены сзади в «хвост». Темно-карие глаза, казалось, пронзали меня насквозь. Поджав от нервного напряжения пальцы ног, я пыталась угадать свое будущее по трем обращенным ко мне лицам.

Выражение узкого лица мужчины с длинным прямым носом, сидящего справа, расшифровать было нетрудно, но от этого, увы, легче мне не стало. Стального оттенка волосы с проседью были зачесаны назад, открывая высокий лоб. Вероятно, многие сочли бы его внешность аристократической. При виде Монти уголки его губ на секунду оттянулись назад, придав лицу высокомерное выражение. Это был Член Совета Латтимер, представлявший прикладников.

До сегодняшнего дня эти люди были для меня, как и для многих других Путешественников, лишь именами – точнее, фамилиями. Именно они были напечатаны на конвертах официальных писем, которые я ежегодно получала в июне. В них меня поздравляли с очередным успешно оконченным годом и приглашали продолжить обучение. Именно они упо-

минались в разговорах за обедом, когда мы с родителями обсуждали какие-то важные изменения в правилах и инструкциях, и в классе. Однако для меня Члены Совета не являлись реальными людьми.

Теперь, когда я видела их прямо перед собой, в них, с моей точки зрения, было еще меньше человеческого, чем прежде.

Я посмотрела на Монти в надежде на то, что он меня как-то подбодрит. Но он внимательно изучал пуговицы на своем пиджаке, поглядывая на дверь, словно прикидывал возможности бегства.

– Давайте начнем, – произнесла Член Совета Крэйн.

Я напрягла ноги, боясь, что у меня вот-вот подогнутся колени.

– Итак, вчера мы получили доклад, согласно которому во время Путешествия, совершаемого в присутствии сопровождающего, вы разрушили параллельный мир, звучащий на очень специфической частоте...

Крэйн принялась зачитывать с листа, который она держала перед собой, параметры частоты, состоявшие из двух десятков цифр.

– Это был несчастный случай, – вставила я детским, постыдно высоким голосом.

– Любой несчастный случай есть результат выбора, – жестко произнесла Болтон.

Прежде чем я успела что-либо сказать, Латтимер предо-

стерегающим жестом поднял руку:

– Мы здесь не для того, чтобы выслушивать ваше мнение или оправдания. Мы обсуждаем только конкретный результат случившегося – и свидетельства очевидцев.

Член Совета Крэйн, отложив в сторону лист бумаги, продолжила свое выступление:

– Мы побеседовали с вашим инструктором. Параметры вашего задания не предполагали прямого контакта с объектами параллельного мира, в том числе с ниткой воздушного шара. Наши следователи выяснили, что результатом этого контакта стало прекращение звуковых колебаний определенной частоты. Согласно показаниям свидетеля, ответственность за это ложится на вас, и только на вас.

– Свидетеля? – Я резко обернулась и посмотрела на Адди, которая сразу отвела глаза в сторону. – Значит, ты сдала меня?

– Мы затребовали показания вашей сестры, поскольку, кроме вас, она была единственным Путешественником, находившимся на месте происшествия, – пояснила Болтон. – Данные, собранные нашими следователями, подтверждают, что показания вашей сестры точны и заслуживают доверия.

Адди, опустив голову, принялась грызть ноготь большого пальца. Я сделала шаг в ее сторону, и охранники, стоявшие у двери, насторожились, положив руки на дубинки и давая понять, что бездействовать не намерены.

Я сжала кулаки с такой силой, что ногти впились мне в ла-

дони. Перед глазами у меня сгустилась красная пелена. Значит, Адди оказалось мало быть идеальной ученицей, мало всеобщего восхищения – ей потребовалось и подставить меня.

Теперь уже Член Совета Болтон взяла со стола еще один лист бумаги и принялась зачитывать написанный на нем текст:

– Ваш контакт с ребенком из параллельного мира не был вызван необходимостью и усугубил существующие в отраженном мире дефекты. Не приняв во внимание указания вашего сопровождающего, вы своими действиями подвергли ее жизнь опасности. Разделение было выполнено вами с ошибками, в результате чего в районе перехода возникла зона повреждения.

– Любое из этих нарушений является весьма серьезным, – добавил Латтимер. – Совершение же их в таком количестве во время одного Путешествия свидетельствует о том, что вам свойственна опасная небрежность, которая не сулит вам ничего хорошего в будущем.

Внезапно на его лице промелькнула тень улыбки. Он перевел взгляд на Монти, после чего снова уставился на меня.

– Вы отстраняетесь от занятий, проводимых в соответствии с курсом обучения Путешественника, до конца года. По этой причине вам нет нужды посещать уроки вместе со своими одноклассниками. На это время вам запрещаются Путешествия в одиночку или в сопровождении кого-либо

другого, кроме имеющих лицензию членов вашей семьи. По окончании периода отстранения от учебы вам будет предложена возможность сдать экзамен и получить лицензию вместе с товарищами. Сдав его успешно, вы продолжите учебу на прежних условиях. Если же провалитесь, вам придется пройти пятый год обучения еще раз, в то время как ваши товарищи перейдут в следующий класс.

Мне показалось, что пол под моими ногами закачался.

– Вы отстраняете меня до конца года? Но как же я сдам экзамен, если не буду ходить на занятия?

– Ответственность за усвоение учебного материала целиком ложится на членов вашей семьи. Им придется предоставлять нам еженедельные отчеты о ваших успехах, чтобы мы могли убедиться в том, что вы получаете необходимые знания и навыки. Разумеется, это не освобождает ваших родителей от выполнения их работы и прочих обязанностей.

Мои родители порой не могли выкроить время, чтобы помочь мне выполнить домашнее задание. Где уж им целиком взять на себя мое обучение в течение почти целого года! Кроме того, все знали, что экзамен после пятого года занятий – особенно сложный. Последние три месяца подготовки представляли собой форсированное повторение всего пройденного. Было очевидно, что без помощи преподавателя мистера Шоу мне не справиться с данной задачей.

К июню мои одноклассники получают лицензии. Элиот, как и стальные, отправится на практику. Все будут знать, что я

отстала.

Практические Путешествия были моей единственной сильной стороной, а мне запретили осуществлять их самостоятельно. Я почувствовала, что у меня внутри словно что-то оборвалось.

Член Совета Крэйн тихонько закашляла, намекая, что ждет ответа. Я же потрясенно смотрела на нее, не в силах произнести ни слова. Выражение лица Крэйн немного смягчилось.

– Вы согласны подчиниться принятому решению? Альтернативой ему является пожизненное лишение вас права на Путешествия.

Члены нашего сообщества не шутили, утверждая, что Совет сделал все возможное, чтобы мое наказание было не слишком суровым. Я отдала бы все на свете за право остаться Путешественником, и члены Совета об этом знали. Я взглянула на родителей – оглашенное решение их не удивило и, может, даже вызвало у них облегчение. Стоящая рядом с ними Адди замерла, прижав ладони к бедрам.

– Я возражаю! – громко произнес Монти.

Мама взяла его за руку, но он резким движением освободился и, обойдя меня, приблизился к столу. Крэйн и Болтон понимающе переглянулись. По шее Латтимера над воротничком рубашки начала расползаться краснота.

– Отклонено, – спокойно произнесла Крэйн. – Мы не в зале суда, Монтроуз. Надеюсь, вы об этом помните.

– В одном пальце этой девочки больше таланта, чем в любом из вас. Я сам ее обучил, – пропыхтел Монти.

– Неужели? – Латтимер оглядел меня с холодным любопытством, будто лягушку, приготовленную для препарирования на уроке биологии. – Не знаю, как насчет таланта, но, похоже, она оказалась не слишком внимательной ученицей.

– Мы рассмотрели ее вопрос, постарались учесть возраст и действительно большие способности, а также вклад вашей семьи в общее дело и вашу... – Крэйн запнулась, подыскивая подходящие слова, – принесенную вами жертву. Надеемся, что ваша внучка не станет тратить время даром, а использует его для того, чтобы еще больше развить свои таланты. Но решение нами принято, и оно окончательное. Теперь она должна принять свое. Ну, так что вы скажете, Дэланси?

Порой, когда обитатель Главного Мира принимает важное решение, можно почувствовать и даже услышать на довольно большом расстоянии, как в результате где-то неподалеку образуется портал. Раздается странный, необычный звук, словно где-то неподалеку воздух сначала уплотняется, а затем становится разреженным, давая возможность сформироваться какой-то новой параллельной реальности. Но этот переход недолговечен. Поэтому, сделав тот или иной выбор, мы зачастую лишь пытаемся представить, какие варианты отраженной реальности могли возникнуть в результате.

Ответив на вопрос, заданный мне Советом, утвердительно, я на всякий случай прислушалась. Вокруг царила тиши-

на.

Глава 10

– Что ж, все могло быть и хуже, – сказал отец, когда мы вышли из зала заседаний Совета, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало.

Он обнял меня одной рукой за плечи, но я высвободилась и огрызнулась:

– Они, по сути, вытурили меня. Я не сдам экзамен. Что может быть еще хуже?

Монти ободряюще похлопал меня по руке.

– Тебя могли отправить в темницу, – раздраженно заметила мама. Адди, стоящая рядом с ней, опустила плечи. – Тебя бы следовало...

Дверь у нас за спиной снова распахнулась. В дверном проеме, опираясь на трость с набалдашником из слоновой кости, стояла Член Совета Крэйн.

– Уинфилд, Фостер, – произнесла она, – нам необходимо обсудить еще один вопрос.

Родители переглянулись.

– Подождите здесь, – сказала мама, обращаясь к нам с Адди и к Монти. – Ведите себя прилично. К тебе это тоже относится, пап.

– Глупость какая, – пробормотал Монти, теребя в руках шляпу, когда мои родители скрылись за дверью. – Поражительная глупость.

– Как ты думаешь, о чем они там говорят? – спросила Адди, глядя на меня и не обращая на Монти внимания.

– Возможно, о том, какая ты сука, – ответила я. – Тебе удалось избежать наказания, так? Что ж, радуйся. Вот почему тебе так не терпелось сдать меня. Решила заключить сделку?

– Никакой сделки не было, – возразила Адди, и щеки ее порозовели. – Они спросили меня, что произошло. Я рассказала правду.

– Твою правду.

«Правда текуча, как вода, у нее множество граней, как у бриллиантов, и она так же изменчива и ненадежна, как человеческая память», – любил говорить Монти. В самом деле, люди часто видят то, что хотят увидеть в данный конкретный момент времени, или то, во что верят. При этом, пояснял Монти, они вовсе не лгут, а просто не говорят всей правды в ее сложном многообразии. Видимо, Адди очень хотелось увидеть во мне злодейку.

– Из-за тебя меня отстранили от занятий, – процедила я.

– Тебе следовало бы сказать мне спасибо, маленькая сопливая дрянь, – прошипела сестра. – Латтимер был убежден, что ты проделала все это нарочно. Несанкционированное разделение может рассматриваться как измена, Дэл. Предательство. Так же, как и ложь на заседании Совета. Я сказала правду – что ты идиотка. Именно поэтому Члены Совета отнеслись к тебе снисходительно и не наказали со всей строгостью.

– Измена? – воскликнула я, чувствуя, как у меня кровь леденеет в жилах.

– Именно, – буркнула сестра.

В коридор вышел Латтимер.

– Не ожидал увидеть тебя здесь, Монтроуз, – сказал он. – Господи, я сразу вспомнил добрые старые времена. Всем нам очень не хватает Роуз.

Монти вздрогнул и наклонился ко мне, словно собирался что-то шепнуть мне на ухо. Однако голос его в пустом коридоре прозвучал громко и отчетливо:

– Роуз он никогда не нравился.

На виске Латтимера вздулась и запульсировала вена. Окинув взглядом потертый кардиган Монти, его всклокоченные волосы, дрожащие руки и опущенные плечи, он высокомерно улыбнулся:

– К ее мнению не особенно прислушивались, не так ли? В противном случае она, возможно, все еще была бы с нами.

К моему удивлению, Монти не стал спорить с ним и говорить, что бабушка скоро вернется. Он еще больше сгорбился и тихо промолвил:

– Мне жаль добрые старые времена.

– Он у вас часто такой? – обратился Латтимер к Адди.

– День на день не приходится, – осторожно ответила она. – Дедушка просто устал.

– Разумеется. Знаете, он был очень талантлив в свое время. А теперь на него просто жаль смотреть – вот что с ним

сделали эти его бесконечные поиски.

– Это со мной сделал *ты*, – негромко прорычал Монти. Возникла неловкая пауза, которую прервала Адди:

– Простите, господин Член Совета. Он просто не в себе. С ним такое случается.

– Понимаю, – промолвил Латтимер сочувственным тоном. Затем он похлопал Монти по плечу, а когда тот отшатнулся, сделал вид, будто не заметил этого. – Я только хотел узнать, как у тебя дела, старый приятель. А теперь мне пора возвращаться к коллегам. Долг зовет, знаете ли.

Он потянулся к дверной ручке. Я перестала сжимать челюсти и немного расслабилась. Внезапно Латтимер остановился на пороге зала заседаний Совета и снова обернулся.

– Мы высоко оценили прямоту, которую ты сегодня продемонстрировала, Аддисон, – сказал он. – Если не ошибаюсь, твоя практика закончится всего через год?

– Да, сэр, – кивнула Адди.

– Отлично. Что ж, если ты и дальше будешь производить на нас такое же благоприятное впечатление, как сегодня, тебя ждет блестящая карьера.

– Благодарю вас, сэр, – пробормотала моя сестра.

– Пара слов о тебе, Дэланси, – продолжил Латтимер, глядя на Монти. – Тебе нужно более тщательно выбирать образцы для подражания, если хочешь в дальнейшем сделать хоть какую-нибудь карьеру.

Он шагнул через порог зала, с легким щелчком закрыв за

собой дверь.

– Да-а-а, чувствую, на Совете он выступал в мою поддержку, – съязвила я.

– Просто у него большой зуб против меня, – заметил Монти, став таким же, как обычно. – А теперь и ты, похоже, попала под раздачу.

– Какой еще зуб? – удивилась Адди.

– Это старая история, – ответил Монти.

Я поверила этому объяснению не больше, чем маске беспомощного старика, в которой Монти пребывал только что в присутствии Латтимера. Любопытство буквально распирало меня.

Дед тем временем напялил на голову свою поношенную шляпу.

– Пойдемте, – произнес он. – Чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше.

– Мама просила подождать ее, – запротестовала Адди.

– Что ж, если хочешь, оставайся, – сказал Монти и повернулся ко мне: – Ну что, Дэл, пойдем? Для нас тут больше нет ничего интересного.

Не было ни одного случая, чтобы я, следуя совету Монти, пожалела об этом. И я пошла за ним.

Глава 11

При посещении отраженного мира взаимодействие с его обитателями, как правило, должно ограничиваться анализом излучаемой ими звуковой частоты. Нельзя взаимодействовать с жителями параллельных миров без необходимости или с целью получения каких-либо личных выгод.

Глава 3 «Объекты параллельных миров и регулирующие протоколы». «Принципы и практика разделения», год пятый

– Пора обедать, – сказала мама, когда мы вернулись домой. – Дэл, накрой на стол.

– Я не голодна, – заявила я, бросая пальто на диван.

– А я говорю, пора обедать.

У моей мамы был пунктик – она считала, что члены семьи должны принимать пищу только вместе, сидя за одним столом. Даже когда мы с Адди были совсем маленькими, а отец находился в командировке, выполняя задание Совета в каком-нибудь из параллельных миров, он всегда старался вернуться к вечеру, чтобы отобедать вместе с остальными. Иногда мы ели в четыре часа пополудни, иногда в девять вечера, но всегда впятером, расположившись вокруг большого соснового стола. Такова была семейная традиция.

На сей раз все ели мало и неохотно – за исключением Монти. Наконец я спросила:

– Ну, и кто из вас будет моим опекуном?

Мне хотелось, чтобы эту функцию взял на себя отец. Поскольку он был одним из ведущих специалистов, его отправляли во главе групп зачистки в самые диссонансные миры для их коррекции. Многие шутили, что больше всего ему нравится решать практически нерешаемые задачи.

Теперь эта шутка перестала казаться мне смешной.

И все же я предпочла бы продолжать обучение в домашних условиях под его контролем, нежели чем под контролем мамы. Она занималась изучением порталов, ведущих из Главного Мира в параллельные, и по их состоянию определяла, какие из ответвлений нуждались в коррекции. Было понятно, что, если ответственным за получение мной образования вне школы Путешественников станет мама, я проведу следующие полгода в ее офисе, утопая в цифрах и графиках.

Она поправила лежавший перед ней серебряный столовый прибор и отхлебнула из бокала воды. Хорошо зная ее, я поняла, что она обдумывает что-то и пытается выиграть время.

– Мы с твоим отцом сейчас работаем над проектом, который занимает много времени и требует сил, – наконец сказала она.

Адди выпрямилась на стуле – в этот момент она напомнила мне охотничью собаку, которая учуяла зайца.

– Именно по этой причине Совет захотел поговорить с ва-

ми? – спросила она.

Отец кивнул:

– Сейчас Большой Совет рассылает в параллельные миры группы, базирующиеся по всей стране, и нас попросили выступить в роли координаторов.

– Большой Совет? – переспросила Адди. – Но это же здорово. А что за проект?

– Секретный, – объяснила мама. – Мы надеемся, что это краткосрочное задание, но в данный момент для нас это дело номер один.

Сказанное означало, что для родителей я главным приоритетом не являюсь.

– Однако это вовсе не значит, что наше участие в проекте должно быть в ущерб твоему обучению, – заметил отец, увидев выражение моего лица. – Пока мы заняты, с тобой может поработать Адди.

Я с громким стуком поставила на стол стакан с водой.

– Вы что, издеваетесь?! Она так же виновата в случившемся, как и я!

– Ничего подобного! – крикнула сестра. – Ты должна была слушаться меня, а ты наплевала на мои советы и указания.

– Если бы я тебя послушалась, мы бы никогда оттуда не выбрались. Ты мне только мешала. А я, между прочим, спасла и твою задницу.

– Не меня отстранили от занятий! Я не хочу с ней заниматься! А как же моя практика? Мне надо свои дела делать,

я не водить ее всюду за ручку!

– Девочки! – воскликнула мама и усталым жестом потерла переносицу. – Довольно. Мы понимаем, что это не идеальный вариант, но он не обсуждается.

– Совет решил, что моим обучением должны заниматься вы, мои родители, – произнесла я, чувствуя, что в моем голосе прозвучали нотки отчаяния. – Вы, а не Адди.

– Вообще-то они говорили о членах семьи. А Адди входит в их число.

– К сожалению, – огрызнулась я.

– Взаимному, – состроив гримасу, парировала сестра.

– Совет считает, что на данный момент это лучшее из возможных решений. Собственно, это Член Совета Латтимер предложил, чтобы вы позанимались вместе. Это продолжится всего несколько недель, – сказал отец.

Монти высунул язык и издал не слишком приличный звук, которым он обычно выражал презрение. Мама закатила глаза.

– Папа, пойми, все к лучшему. То, что Член Совета считает, что на Адди можно возложить подобную ответственность, свидетельствует о том, что он о ней весьма высокого мнения. По сути, это честь.

По виду Адди, однако, нельзя была сказать, что она рада оказанному ей доверию.

– Почему меня наказывают за ошибку Дэл?

– Ты отвечала за ее действия во время того Путеше-

ствия, – мягко промолвил отец. – Справедливо, что ты отчасти разделишь с ней вину за то, что произошло.

– Пап, почему я не могу Путешествовать с тобой? – умоляющим тоном спросила я. – Я бы многому научилась. Уж во всяком случае, извлекла бы из этого для себя больше пользы, чем из Путешествий с Адди.

– К сожалению, это невозможно, детка...

– Но...

– Я могу присмотреть за ними обеими, – внезапно подал голос Монти. – Будет неплохо, если я тоже поучаствую в данном деле. И уж будь уверена, дорогая Адди, мне известны кое-какие трюки, которых нет в твоих книгах.

– Цель занятий состоит вовсе не в этом, – заявила мама и, положив вилку на стол, посмотрела на Монти и нахмурилась.

Его это не смутило.

– Мне нужно побольше Путешествовать. Это полезно для сердца. Моего сердца, – сказал Монти, и на его лице появилось мечтательное выражение. Он встал из-за стола, уронив салфетку на пол. – Ладно, я, пожалуй, пойду.

– Нет, пап, пожалуйста, сядь, – возразила мама.

– Я нужен Роуз! Она где-то там, Уинни. Я обещал, что найду ее.

Моя мама играла в семье несколько важных ролей. Она была скрепляющим цементом, фундаментом, компасом. Но самое главное – она была тем, кто принимает трудные решения. Мы бежали к отцу, разбив коленку, чтобы он продез-

инфицировал ссадину и заклеил ее пластырем, а затем поцеловал пострадавшую и вручил ей в качестве утешения кушечек печенья. Но когда кто-то из нас ломал руку или ногу, мы обращались за помощью к матери. Именно она, не теряя головы, вызывала нам «Скорую», чтобы мы как можно скорее оказались в приемном покое больницы. Она была такой целеустремленной, излучала такую энергию и силу, что как-то забывалось, что она, когда мой дед потерял жену, лишилась матери.

Ее ладонь, удерживавшая Монти за предплечье, ослабла. Дед, пользуясь моментом, встал и зашагал прочь, одной рукой поддерживая штаны цвета хаки, а другую вытянув вперед в поисках ближайшего перехода. Отец напружинился, явно намереваясь догнать его и сгрести в охапку, но я знала, что поймать Монти нелегко. Мне пришло в голову, что лучший способ остановить деда – отвлечь его внимание. Или, точнее, привлечь его.

– А как же шоколадный кекс? – громко спросила я. – Мама приготовила его на десерт – я видела. И еще мороженое. Неужели ты не хочешь попробовать кекс а ла мод?

Монти остановился.

– А ла мод?

– Это значит – кекс с мороженым, – пояснила Адди.

– Я в курсе, что это значит.

Монти пригладил ладонью растрепавшиеся седые волосы.

– Ты получишь угловую часть, – продолжила соблазнять я.

Он медленно, словно делая всем присутствующим одолжение, вернулся к столу и сел. Мама облегченно вздохнула, а папа ободряющим жестом взял ее руку в свою.

Адди встала, сходила в кухню, принесла десерт и принялась его резать и раскладывать по тарелкам. Прикончив половину своей порции, Монти произнес:

– Значит, вопрос решен. Я присмотрю за девочками.

Мои родители вели молчаливый диалог, в котором слова заменяли наклоны головы, выражение глаз и движения бровей. Содержание его было понятно только его участникам. После паузы отец неохотно проговорил:

– Ты должен будешь смотреть за ними в оба, Монтроуз. Особенно за Дэл.

Я мысленно выругалась, но мама, видя, что я собираюсь возразить, предостерегающе покачала головой. Значение этого жеста было более чем очевидно: не спорь.

Идея поручить Монти присматривать за нами была абсурдной. Он зачастую не помнил, какой на дворе год и где у нас хранится молоко, но Путешествовать с ним, безусловно, было бы веселее и интереснее, чем с Адди, которую, судя по выражению ее лица, грызли два чувства: уязвленная гордость и ярость по поводу того, что ее отстранили от процесса моего воспитания, заменив кем-то другим.

– Лично я не возражаю, – сказала я. – Мне нравится проводить время с дедушкой.

Мама вопросительно посмотрела на Адди. Та, сделав над

собой усилие, принужденно улыбнулась:

– Да, конечно.

– Отлично. Я дам знать об этом Совету.

Мама отряхнула руки, словно давая понять, что вопросы решены и все в полном порядке.

Монти встал из-за стола и отправился на улицу. Отец двинулся за ним следом. Адди поднялась на второй этаж, в свою комнату, чтобы предаться хандре. Я же забралась на чердак.

Мы с Адди жили в одной комнате до тех пор, пока мне не исполнилось десять лет. Когда это произошло, родители предложили мне переселиться в одно из чердачных помещений. Я сделала это в тот же день. Летом в моем жилище стояла удушающая жара, зимой – лютая стужа, но это было мое, и только мое, личное пространство. К тому же ведущая туда крутая и шаткая лестница была достаточно надежной защитой от чрезмерно частых визитов гостей и родственников.

Интерьер моей комнаты не был выдержан в каком-то стиле – скорее это было их смешение. Окна странной формы, потолок наклонный. Я обставила ее старой мебелью и тем, что не поместилось в других комнатах – в ней, например, стоял обитый бутылочно-зеленой тканью шезлонг, потрепанный кожаный стул и огромный чемодан с медными застежками. Столом мне служила старая дверь, взгроможденная на козлы для пилки дров. Она была почти не видна под кипами нотных тетрадей и ворохами карт.

Вдоль балок и над окнами я развесила звездочки оригами

– это была моя собственная разноцветная вселенная. Они закачались на веревочках, когда я захлопнула дверь. Войдя, я взяла в руки скрипку.

Ничто так не восхищало меня и не помогало отвлечься от неприятностей, как музыка Баха. Она была нелегка для исполнения, но, погружаясь в нее, я забывала обо всем. Когда-то скрипка принадлежала моей бабушке, а еще раньше – ее бабушке. Чистый, сильный звук, лившийся из-под смычка, дал мне возможность выплеснуть из души весь гнев, который я ощущала, но не могла выразить на Совете.

Сыграв одну пьесу, я начала другую. В это время в комнату вошла мама.

– Очень хорошо, – похвалила она меня. – Но, по-моему, слишком быстро. Разве эту пьесу не следует играть в темпе ларго?

Разумеется, этого комментария следовало ожидать. Я сыграла последние такты еще быстрее и закончила произведение залихватской трелью.

– Я ведь имею право импровизировать, верно? Или Совет намерен контролировать и то, как я играю в свое удовольствие у себя дома?

Мама вздохнула:

– Хочешь верь, хочешь не верь, но мы все беспокоимся за тебя и желаем тебе добра.

Я сделала вид, будто полностью поглощена ослаблением смычка перед тем, как убрать его в футляр.

– Никто не сомневается в том, что ты очень талантлива, но тебе не хватает дисциплинированности. Путешествия – это не развлечение и тем более не игра, Дэл. Тут требуется внимание и полная сосредоточенность. И еще здесь важен опыт. Это как с музыкой – надо сначала изучить все правила и какое-то время неукоснительно следовать им, прежде чем ты получаешь право их нарушать.

– Монти постоянно нарушает все правила.

– И посмотри, к чему это привело. Если тебе нужны свидетельства того, насколько важно выполнять правила и инструкции, Монти – отличный пример. – Мама понизила голос, словно боялась, что ее отец может нас услышать. – Ему становится хуже.

Я провела пальцами по струнам, вызвав неприятный резкий звук. Монти был моим первым учителем, и мне не хотелось верить в то, что он деградирует как Путешественник.

– Его не так уж трудно контролировать – необходимо только вовремя предложить ему то, что он хочет.

– Он хочет одного – вернуть твою бабушку. Я знаю, что вам с Адди не нужен сопровождающий, но он нужен ему.

Только тут до меня дошло, в чем состоял замысел моих родителей.

– Значит, вы хотите, чтобы это мы за ним присматривали? А не наоборот?

– Адди в состоянии проконтролировать вас обоих. И потом, как-никак официально ответственной будет она. Но к

твоему мнению он прислушивается больше, чем к мнению любого другого члена нашей семьи. Так было всегда.

Мама говорила правду. После того как Адди пошла в школу, мы с Монти часто оставались вдвоем.

– Пойдем со мной, Дэл, – предлагал он, протягивая мне руку.

И мы отправлялись в Путешествие. Монти повторял, что звучание отраженных миров – тоже своеобразная музыка, и учил меня слышать ее. Я внимательно слушала все, что он говорил, и теперь он платил мне тем же.

– Конечно, с ним надо что-то делать, но... – Мама потрогала кулон, висевший у нее на шее. Это был миниатюрный камертон – такой же, как у Адди. Подобный кулон имелся у каждого Путешественника. Точнее, у каждого лицензированного Путешественника. – Я не готова отправить его в интернат.

Так часто называли дом престарелых – место, где за Монти заботливо ухаживали бы, но где он был бы навсегда и накрепко привязан к Главному Миру. Ничто другое не убило бы его быстрее.

– И не надо так на меня смотреть, – продолжила мама. – Мы надеемся, что, если он будет находиться рядом с вами, с ним не случится никаких неприятностей. – Протянув руку, она заправила мне за ухо прядь волос. – Ты очень на нее похожа. Я имею в виду свою маму.

Разумеется, я много раз видела фотографию моей бабуш-

ки, висящую в передней, но никакого сходства не замечала. Снимок был сделан во время их с бабушкой свадьбы. Бабушка смотрела прямо в объектив фотокамеры, слегка приподняв подбородок. Ее облик излучал энергию и уверенность в себе. Взгляд темных глаз, улыбка – все свидетельствовало о том, что перед вами честный, умный, уверенный в себе, душевно щедрый человек. Она была из тех красавиц, которых люди называют ослепительными. Про меня же в лучшем случае говорили, что я миленькая, не более. Правда, нередко мне приходилось слышать в свой адрес и слово «красотка», но обычно в составе фразы вроде: «Дэл могла бы быть просто красоткой, если бы не ее ужасная одежда (прическа, манера держаться)».

– Ты хочешь сказать, что именно поэтому я его любимица? – спросила я.

Мама поправила ноты, стоявшие на резном пюпитре из красного дерева. Как и скрипка, он когда-то принадлежал моей бабушке. Монти настоял на том, чтобы я ими пользовалась. По сути, скрипка и пюпитр были единственными вещами, напоминавшими мне о ней.

– Ты действительно похожа на мою мать, но, думаю, дело еще и в том, что вы с Монти – два сапога пара. Ты будешь за ним хорошенько приглядывать, верно?

Я закрыла футляр со скрипкой и смычком. Если это могло спасти деда от отправки в дом престарелых, как я могла сказать «нет»?

Позднее, когда все в доме заснуло, я, лежа в кровати, долго смотрела на бумажные звезды, висевшие на балках, и пыталась представить, как сложится моя жизнь, если я не сдам экзамен и никогда больше не смогу Путешествовать. Каждый выбор необратим, любое решение приводит к последствиям, изменить которые невозможно. Как живут люди, не имеющие возможности услышать звучание других миров? Как вообще можно так жить? От этих мыслей по спине у меня бежали мурашки.

Иногда меня беспокоило то, что мне слишком уж нравятся параллельные миры. Я понимала, что это опасное чувство, и жить надо проблемами того мира, в котором ты реально обитаешь. И все же неизведанные пространства влекли меня к себе, словно магнит.

Выскользнув из постели, я надела свою мешковатую шерстяную кофту и старые джинсы, стянула волосы в узел на затылке, сунула в карман стопку почтовой бумаги и осторожно прокралась на улицу.

Наверное, глупо было отправляться в Путешествие в одиночку, особенно после того, как Совет мне это запретил. Но от мысли, что в ближайшие шесть месяцев мне придется терпеть контроль со стороны Адди, я просто задыхалась – потому и решила позволить себе провести ночь так, как хотелось.

Я переходила из одной параллельной реальности в другую постепенно, все больше удаляясь от Главного Мира и наслаждаясь ощущением собственной силы и свободы. Впи-

тивала звуки всем своим телом – кожей, мышцами, кровью, костями, внимательно изучая частоты, излучаемые разными сегментами Мультивселенной. Многие Путешественники говорили, что в других мирах очень шумно. На мой взгляд, они были неправы. В звучании параллельных миров имелаась своя красота – нужно было только прислушаться.

Кондитерская, где продавали пончики, закрылась на ночь. Уличные фонари испускали мертвенно-белый свет, из-за чего моя кожа казалась необычно бледной. Но думаю, вид у меня при этом все равно был счастливый.

В нескольких кварталах от кондитерской я услышала звон гитары и низкий пульсирующий звук контрабаса. Концерт группы в кафе «Грандис». Именно на него приглашал меня Саймон. Вероятно, он уже успел изменить свои намерения или вообще забыл о том, что хотел послушать музыку в моей компании... Но я об этом хорошо помнила.

С неба посыпался редкий дождик. Я зашагала туда, откуда доносилась музыка, глядя по сторонам в поисках Саймона.

Саймона и неприятностей.

Глава 12

Прямой контакт с представителем параллельного мира обострит ваше восприятие данной отраженной реальности и приведет к тому, что ее обитатели будут более отчетливо осознавать ваше присутствие. Соответственно, важно максимально ограничивать физические контакты с отдельными конкретными обитателями отраженных миров.

Глава 5 «Физика». Принципы и практика разделения, год пятый

В тусклом свете я не без труда разглядела на тесной, маленькой сцене участников ансамбля, игравшего нечто в стиле кантри. В помещении витали запахи пота, дешевого пива и свежеприготовленной пиццы. Кафе, разделенное на кабинки, было в основном заполнено болтающими и смеющимися группами женщин и байкерами с подружками. Здесь же я увидела отражения многих своих одноклассников, набившихся по пять человек в кабинки, предназначенные для троих. По этой причине я пробралась в противоположную от них часть кафе, подошла к бару, похлопала бармена по плечу и заказала ром с кока-колой. Когда он поинтересовался моим возрастом, я показала ему свое фальшивое удостоверение личности. Оно было гораздо более высокого качества, чем те водительские права, которые я видела у Саймона

в парке. Пока бармен внимательно изучал его, я с деланным равнодушием разглядывала посетителей.

Затем, держа в руке стакан с напитком, я подобралась поближе к сцене и прислонилась спиной к одному из деревянных столбов, поддерживавших крышу. Группа действительно играла прилично – необходимая доля горечи в голосе солиста была отмерена очень точно, гитарное сопровождение, подчас удивлявшее неожиданными, оригинальными ходами, тоже было на уровне. Не знаю, почему я вдруг так озаботилась оценкой работы исполнителей. Вероятно, мой мозг взялся анализировать качество музыки на случай, если именно в ней была скрыта главная частота отраженного мира, где я в данный момент находилась.

Одновременно, потягивая ром с колой, я обвела взглядом зал и убедилась, что Саймона среди собравшихся не было. Возможно, он просто передумал идти на концерт. Если так, значит, где-то рядом располагался параллельный мир, в котором Саймон принял противоположное решение. Приложив определенные усилия, я могла отыскать эту отраженную реальность. Однако перескакивать из одного параллельного мира в другой ради какого-то парня, которого я даже толком не знала, – на мой взгляд, это было чересчур.

Стакан запотел, и мои пальцы стали мокрыми. Я вытерла их о джинсы и стала уговаривать себя не расстраиваться из-за того, что Саймон не пришел. В конце концов, уже поздно. Для образцового школьника самым правильным было отпра-

виться домой и лечь спать.

– А барабанщик неплох, – произнес Саймон, возникший позади меня так близко, что мои волосы шевельнулись от его дыхания.

Похоже, я переоценила его прагматизм. С трудом сдерживая улыбку, я обернулась.

– Большинство зрителей обычно обращают внимание на гитариста или на певца, – сказала я, смутно припоминая, что настоящий Саймон, кажется, играл на ударной установке. – Ты сам стучишь на ударных?

– Иногда. – Саймон оперся ладонью о столб, и на его запястье блеснул металлический браслет. – А я уж думал, что ты меня кинула.

– Я не поняла, что речь шла о приглашении на свидание. – На самом деле я не была уверена даже в том, что Саймон помнил обо мне и о нашей случайной встрече. Правда, после нее прошло менее двенадцати часов. Пожалуй, этого было недостаточно для того, чтобы забыть о нашем разговоре. Зато этого вполне хватило, чтобы перевернуть всю мою жизнь. – И потом, раньше ты меня не приглашал.

– Правда? – В зале было слишком темно, чтобы я могла рассмотреть выражение лица собеседника – было ли оно игривым, или разочарованным, или же выражало интерес. Единственное, на что я могла ориентироваться, – это чуть хрипловатый голос Саймона, в котором я уловила нотки теплоты. – Думаю, это серьезная ошибка с моей стороны. Что

ж, приглашаю тебя сейчас.

– Но ведь мы уже здесь. Так что это не в счет, – заявила я, удивляясь тому, как некоторые изменения в Саймоне изменили и меня.

– А если мы пойдем куда-нибудь в другое место? Туда, где поспокойнее?

Я едва не подавилась ромом с колой.

– Уж слишком быстро. Перебор даже для тебя.

– Я о том, чтобы просто попить кофе, Дэл, – рассмеялся Саймон, и мне все же удалось разглядеть в его глазах лукавые огоньки. – А ты о чем подумала?

– Ни о чем, – ответила я, чувствуя, как краска заливает мое лицо, и надеясь, что Саймон этого не заметит.

Саймон выставил локоть, и я взяла его под руку, чувствуя под ладонью его стальные мышцы. Звучал Саймон так же, как около кондитерской – с небольшим диссонансом, но стабильно. Его частота уже накрепко запечатлелась в моем мозгу.

– Ну так что, значит, кофе? – уточнила я.

– Для начала, – кивнул Саймон, и уголки его губ чуть вздернулись кверху.

Я сердито ткнула его локтем в ребра, но он не выпустил мою руку.

– Сегодня был баскетбольный матч?

– Понятия не имею, – ответил Саймон. Мне показалось, что при этих словах на лице его промелькнула тень, но я мог-

ла и ошибиться. – Сейчас меня это не очень интересует.

Саймон слегка поежился в своей потертой куртке из мягкой черной кожи. Пальцы его легонько сжали мою кисть, и я не отняла руки.

Дождь продолжал идти, его капли серебрились в свете фонарей. После переполненного кафе, где царила духота, вдыхать влажный, прохладный ночной воздух было удивительно приятно.

– Ты торопилась уйти там, около кондитерской, – промолвил Саймон.

– Мне нужно было домой, и поскорее. – Я остановилась под брезентовым навесом какого-то магазина. – Знаешь, я не хочу кофе.

– Не хочешь?

Саймон приблизился ко мне вплотную. Капли дождя блестели на его куртке и волосах.

Я покачала головой, чувствуя, как у меня слабеют колени. Саймон был совсем рядом, от него пьяняще пахло дождем и намокшей кожей.

– Почему ты вернулась?

– Ты же меня пригласил.

Он расстегнул заклепку у меня на затылке, и волосы тяжелой волной упали на мои плечи.

– Тебе явно понравилась музыка, однако ты, не дослушав композицию, отправилась к бару. Там ты заказала напиток, но едва к нему притронулась. Говоришь, что это не свидание,

но в то же время не хочешь выпить кофе. Значит, ты пришла сюда просто для того, чтобы прогуляться под дождем?

– И ты заметил все это в течение десяти минут в тесной, плохо освещенной пиццерии?

В последнее время никто не обращал внимания на то, что я делаю, – лишь в тех случаях, когда нужно было указать мне, что я что-то делаю не так.

– И все-таки, – настаивал Саймон, – почему ты здесь?

Это был не мой мир. Я могла спокойно открыть все свои секреты, будучи уверенной в том, что никто о них ничего не узнает. Здешний Саймон, конечно, мог запомнить меня на какое-то время, но я понимала, что через несколько дней эти воспоминания исчезнут из его сознания, как дым. В общем, на тот короткий период времени, в течение которого я собиралась находиться здесь, можно было забыть об осторожности.

– Я сильно проштрафилась, и меня наказали. С завтрашнего дня я должна буду находиться под круглосуточным контролем.

– И ты решила оторваться напоследок? Устроить себе последний вечер свободы?

– Что-то вроде этого.

Саймон осторожно прикоснулся к моему подбородку.

– Так выжми из этого все, – сказал он.

Когда я подняла голову, он был всего в нескольких дюймах от меня. Я почувствовала, как тепло его тела согревает

меня. Он отбросил с моего лба намокшие волосы и ладонью ласково коснулся моей щеки. Глаза Саймона были устремлены на мои губы.

Я почувствовала, что не смогу устоять против его чуть кривоватой, удивительно обаятельной улыбки. Это было трудно, хотя в уголке рта Саймона виднелся уже знакомый мне шрам, а его передние зубы были не совсем ровными. Почему-то именно эти маленькие дефекты, из-за которых внешность Саймона не казалась безупречной, а также веселое безрассудство, какое чувствовалось в каждом его слове и жесте, делали его неотразимым.

Безупречность никогда меня не привлекала.

Не могу сказать, что прежде мне никогда не приходилось целоваться. Но еще ни разу не доводилось находиться рядом с человеком, который бы хотел этого так сильно и не думал ни о чем другом, желая лишь одного – преодолеть сузившееся до предела пространство между нами. Саймон осторожно, словно спрашивая позволения, прикоснулся губами к моим губам. Излучаемый им диссонанс окутал меня, словно облако невесомой пыли, обострив мои чувства. Я ответила на поцелуй Саймона, вцепившись пальцами в отвороты его куртки. Мне вдруг стало совсем тепло – это Саймон привлек меня к себе и обнял. Кровь в моих жилах буквально закипела от радостного предвкушения чего-то таинственного и необычного – аналогичное ощущение я испытала, когда впервые шагнула из своего в другой, отраженный мир.

Все это происходит не взаправду, убеждала я себя, но Саймон казался более чем реальным – я чувствовала, как он обхватил меня своими сильными руками и крепко прижал к себе. У меня закружилась голова. Дыхание Саймона пахло мятой и еще чем-то очень приятным. Я стала жадно целовать его губы. Ладони Саймона опускались все ниже по моей спине, вызывая в моем теле приятный озноб. Внезапно он оторвался от моих губ и, взяв меня за подбородок, заглянул в глаза, тяжело дыша.

– Тебе холодно, – сказал он.

– Нет, я в порядке.

– Моя машина вон там. – Саймон ткнул большим пальцем назад, туда, где был припаркован его джип. – В ней мы можем спрятаться от дождя. И потом, давай поедem куда-нибудь, где нам будет уютнее.

Я провела ладонью по своим губам, которые Саймон целовал. Сердце мое отчаянно колотилось.

– Или, если не хочешь, не надо, – добавил Саймон. – Выбор за тобой.

Я чувствовала, что вокруг нас в окружающем пространстве одна за другой открываются бреши – всего один поцелуй создал сотни переходов в другие миры.

Время необратимо. Упущенный выбор нельзя вернуть. Максимум, что можно сделать, – увидеть и оценить последствия.

Я не испытывала сомнений по поводу того, чего я хочу.

Каждая моя клеточка буквально кричала, что мне следует взять Саймона за руку, сесть вместе с ним в машину и поехать туда, куда он собирался меня отвезти.

Правда, это был не настоящий Саймон, а всего лишь его эхо. Это означало, что завтра, встретив Саймона в Главном Море, я была бы вынуждена смотреть на него, делая вид, будто не знаю, что это такое – чувствовать на своих губах его губы, а на своем теле его руки. Он же по-прежнему глядел бы на меня, как на неодушевленный предмет, словно ничего того, что происходило сейчас, не было и в помине.

Я не могла остаться.

Диссонанс частот все отчетливее звучал в моих ушах, пульс учащался. Я знала, что через два часа это обернется для меня сильной головной болью, а через три – мигренью, и к восходу солнца я потеряю способность найти дорогу домой. Сегодня я и так уже Путешествовала слишком долго.

Я вытащила из кармана листок бумаги, темно синий с одной стороны и серебристый с другой. Он был влажным от дождя. Саймон молча наблюдал за тем, как я сворачиваю из листка звездочку оригами.

– Это значит «нет»? – спросил он.

Я положила звездочку на подоконник. Это был не кусочек хлебного мякиша, оставленный, чтобы легче было найти дорогу обратно, а доказательство того, что все случившееся только что было на самом деле.

– В другой раз, – произнесла я, сама почти не веря в это,

и встала на цыпочки, чтобы поцеловать Саймона.

Его руки обхватили мои бедра, а губами он стал слепо шарить по моему лицу.

– Ты же не хочешь уходить, – прошептал он.

– А я и не говорю, что хочу. – Я резким движением отстранилась от Саймона, чувствуя, как у меня дрожат руки и ноги. – Увидимся.

– Я тебя подвезу.

Он взял меня за руку. Я осторожно высвободила свои пальцы.

– Спасибо, дойду пешком.

Сворачивая за угол, я оглянулась, чтобы в пелене дождя еще раз увидеть лицо Саймона, пока он помнил о моем существовании.

Он взял в руку мою бумажную звездочку. Держа ее большим и указательным пальцами, Саймон стоял под брезентовым навесом магазина, не сводя с меня глаз.

Глава 13

Путешественник, принимая то или иное решение, создает переход из одного мира в другой, однако этот переход не может существовать продолжительное время. По этой причине только что образовавшаяся параллельная реальность вскоре вновь поглощается той, которая его породила. Данный феномен называется «транспозиция». Она может также происходить в тех случаях, когда в результате принятого решения образуется параллельный мир, звуковая частота которого сильно отличается от исходной.

Глава 1 «Структура и форма». Принципы и практика разделения, год пятый

– Где ты была вчера вечером? – поинтересовался Элиот, когда мы шли в школьный кафетерий. – Ты не получила мои сообщения?

– Извини. Я очень устала и быстро заснула, – ответила я, почувствовав укол вины.

Сначала я кое-что утаила от Элиота, а теперь мне пришлось солгать ему. Я увидела его сообщения только после того, как вернулась из Мира Пончиков, а к этому времени было уже слишком поздно, чтобы отвечать. К тому же Элиоту вряд ли понравилось бы то, что я успела нарушить правила, установленные для меня на период отстранения от занятий. Да еще ради того, чтобы устроить себе свидание с отра-

жением Саймона...

На всякий случай я решила сменить тему разговора:

– А что было потом, после того как я вчера ушла?

Слово «ушла» было в данном случае не вполне точным, но звучало лучше, чем «после того как охранники Совета препроводили меня к месту отбытия наказания».

Элиот отвернулся, и я решила, что он, щадя меня, обо многом умалчивает.

– Да ничего особенного. Обычные занятия. Без тебя мне было скучно.

– Какую тему вы сейчас проходите? Анализируете пространственно-временные разрывы?

Я знала, что, если Элиот ответит, мне станет только хуже, но удержаться от вопроса не смогла.

– Ну да. Мы будем заниматься этим еще неделю или чуть больше. Шоу обещал, что скоро начнем изучать инверсию.

Я стиснула зубы и, помолчав немного, произнесла:

– Это нечестно. На протяжении ближайших шести месяцев я буду связана по рукам и ногам, занимаясь с Адди, а вы в это самое время – наслаждаться приключениями и узнавать много нового и интересного!

– Я всего-навсего будущий штурман, навигатор, – возразил Элиот – Новое и интересное, как и приключения, – больше по твоей части.

Я сердито сунула руки в карманы своей шерстяной кофты:

– Как думаешь, я смогу сдать экзамен? Боюсь провалить

задания по работе в поле.

— В том, что касается работы в поле, Адди очень хороша, — признал Элиот. — Она в этом деле была первой в классе, разве не так?

— Да. Но ты же знаешь, какая она. Мы закопаемся в учебниках и пособиях. Ну я и влипла!

Элиот не стал со мной спорить.

— Необходимо выяснить, почему в твоём случае отраженный мир стал разрушаться с такой быстротой, — сказал он.

— Совет это не волнует. Там считают, что это из-за меня и что я сделала это нарочно. Если меня не исключили, то только по одной причине — Адди заявила, что я слишком тупа и потому не понимала, что делаю.

— И они приняли ее слова во внимание?

— Еще как, — вздохнула я. — И вот теперь она ответственная за мое обучение. Каждую неделю должна представлять отчеты о том, как у меня идут дела. Разве это нормально? Адди сдала меня, и она же теперь оценивает мои успехи.

— Подожди. — Элиот поправил пальцем очки и сел на один из стоящих в коридоре диванов. — Мне надо подумать.

Дожидаюсь, пока он до чего-нибудь додумается, я принялась рассматривать внушительную коллекцию кубков, выставленную у дальней стены и собранную во многом благодаря баскетбольному таланту Саймона. Награды за победы в чемпионатах штата и других турнирах. За кубками, помещенными в стеклянный стенд, были выставлены фотогра-

фии команд, которые их завоевали, – это были группы высоких, широкоплечих молодых людей в ярко-синей спортивной форме и с серьезными, почти угрожающими лицами. В школе баскетбол был не просто игрой, а чем-то гораздо большим. Даже у Саймона на фото вид был торжественный и серьезный – пока вы не замечали иронично изогнутый уголок рта.

Я невольно вспомнила улыбку Саймона из отраженного мира, которую он подарил мне накануне вечером.

Элиот кашлянул, и я от неожиданности едва не подпрыгнула.

– Нам нужно доказать, что ты не виновата, – произнес он. – Если мы сумеем это сделать, Совету придется изменить решение по поводу твоего наказания. Они отменяют его и вернут тебе право посещать занятия вместе со всеми.

В груди у меня затеплилась надежда. Но мне было хорошо известно, что надежда – слишком хрупкая и потому опасная вещь.

– Хороший план, но весь мир, о котором идет речь, просто исчез. Если в нем и были какие-то доказательства моей невиновности, то я их уничтожила.

Я невольно содрогнулась от собственных слов, вспомнив тающее небо и исчезающих детишек.

– Есть записи, – сказал Элиот таким спокойным голосом, словно объяснял мне домашнее задание по тригонометрии. – Есть карта твоей матери. Имеются также образцы частот,

оставшиеся после предыдущих Путешествий. Наконец, есть похожие, аналогичные отраженные миры, в которых можно найти полезные сведения. Совет ежедневно добавляет в архивы целые терабайты информации. Готов биться об заклад, что нужные данные там найдутся.

Я смутно представляла, что такое терабайт, но звучало это слово внушительно.

В душе моей снова затеплилась надежда, но я твердо решила не давать себе попасться на эту удочку.

– Адди не позволит мне копаться в архивах. Она уже распланировала половину занятий.

– Поиски в архивах я беру на себя, – заявил Элиот, открывая дверь кафетерия. В уши мне хлынул гам многочисленных посетителей.

– А мне что делать, пока ты станешь этим заниматься? – поинтересовалась я, принюхиваясь к запаху гамбургеров и консервированных зеленых бобов, от которого у меня засосало под ложечкой.

– Смешной вопрос, – ответил Элиот. – В теории было бы лучше, если бы ты готовилась к экзамену. Мне бы все же хотелось, чтобы ты его сдала.

Я ощутила, как с моих плеч свалился тяжелый камень. У Элиота имелись теории на все случаи жизни. Иногда это приводило к благоприятным результатам, а порой заканчивалось растянутой лодыжкой или вывихнутым плечом.

– Я тебя слушаю, – сказала я, усаживаясь за наш с Элио-

том любимый столик.

– Смотри. – Элиот расстелил на поверхности стола лист бумаги и быстро набросал на нем план кафетерия. – С того момента, как мы вошли, здесь образовалось три перехода.

Он обозначил на плане три портала – один в коридоре, рядом со входом, второй у столика, за которым сидели девушки-старшеклассницы, и третий у кассы. Затем Элиот, не раскрывая рта, стал испускать звуки, имитирующие частоту каждого из переходов.

Я закрыла глаза, прислушиваясь и стараясь отвлечься от множества окружавших меня посторонних звуков, после чего произнесла:

– Я слышу присутствие дюжины таких порталов.

– Из них больше половины нестабильны и могут в любой момент закрыться, так что забудь о них. Те же три, о которых говорю я, довольно диссонантны, но стабильны.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовалась я, с любопытством глядя на своего приятеля.

Для того чтобы определить устойчивость того или иного отраженного мира, большинству Путешественников нужно было оказаться внутри его. Даже я не могла решить эту задачу на расстоянии.

– У меня есть карта. – Элиот с улыбкой вынул из кармана смартфон с экраном, размером превосходившим мою ладонь. – Но мне нужно ее протестировать.

– Дай сюда.

Элиот передал мне устройство. Его экран был усыпан множеством светящихся огоньков и напоминал звездное небо.

– И как это работает?

– Это похоже на джи-пи-эс. Только здесь считывается не информация со спутников. С помощью микрофона фиксируются частоты близлежащих параллельных миров. При этом те миры, в которых присутствует значительный диссонанс, обозначаются большими по размеру кружочками, менее диссонансные – такими вот огоньками. Чем ярче свечение, тем сильнее различие между основной частотой отраженной реальности и частотой Главного Мира.

– Значит, большие и ярко светящиеся кружочки – это плохо, а маленькие и едва заметные – хорошо?

Элиот кивнул:

– Я знаю, что это звучит очень примитивно, но...

– Меня такие вещи несколько не заботят. Ты гений! – Я обвила шею Элиота обеими руками. – Карта, которая обновляется в режиме реального времени? Ты станешь знаменитым.

Элиот на радостях тоже приобнял меня, но почти сразу отстранился.

– Я вовсе не стремлюсь стать знаменитым. Я еще даже не показывал это Шоу.

– Почему? Если он это увидит, у тебя будет самый высокий рейтинг в классе.

– В программе есть кое-какие недостатки, которые мне хотелось бы устранить. Если я установлю ее на твой телефон, обещаешь, что станешь ею пользоваться?

В вопросе Элиота прозвучали явственные нотки тревоги. Я нахмурилась:

– Конечно, если это поможет тебе ее протестировать. Что тебя так беспокоит?

Элиот пожал плечами:

– Тот параллельный мир разрушился слишком уж быстро. А если подобное произойдет снова?

– Мир в парке был каким-то отклонением.

– Отклонением, которое тебя чуть не убило. Я проверял другие частоты примерно в том же диапазоне, и все они, похоже, более или менее нормальные. С помощью данной программы ты сможешь заранее узнать, насколько опасен мир, куда ты собираешься проникнуть. – Элиот посмотрел на порталы, обнаруженные им в кафетерии, и ткнул пальцем в самый крупный. – Пользуйся этой картой, Дэл. Обещай мне.

Меня отвлек взрыв хохота, раздавшийся в дальнем конце зала. Я увидела Саймона, который, сидя за большим круглым столом около окна и раскачиваясь на стуле, рассказывал что-то большой компании, не замечая моего присутствия.

А почему, собственно, он должен был обратить на меня внимание? Ведь это не он целовался со мной под дождем. События прошлой ночи были тайной – моей и молодого человека, который не существовал в реальном мире.

За спиной у Саймона возникла Бри и закрыла ему ладонями глаза. Его стул со стуком опустился на все четыре ножки. Саймон ухватил Бри за запястье. Она радостно захихикала. Я наблюдала за происходящим с ужасом и недоумением. Что это было – флирт? Или Саймон и Бри все еще оставались парой?

У Саймона всегда имелась постоянная подружка, обычно какая-нибудь блондинка. При этом его отношения с такой «дежурной» девушкой никогда не бывали серьезными. Вероятно, с Бри была та же история. Я утешалась этой мыслью, пока не увидела, как Бри поглаживает рукой воротник рубашки Саймона. Этим жестом она словно заявляла свои права на него.

– Сейчас самый подходящий момент! – бросила я Элиоту и встала из-за стола. – Давай проверим твою новую игрушку в действии.

– Это не игрушка, – недовольно проворчал он, – а научный прибор.

– Он такой симпатичный! – сказала я и, резко отвернувшись от Саймона, врезалась бедром в бедро Элиота.

Я направилась к группе школьников, возбужденно обсуждающих самодеятельную театральную постановку, премьеры которой должна была состояться зимой. На экране смартфона Элиота появилось несколько светящихся кружочков.

– Вот, смотри, – сказал он, указывая на них пальцем. – Здесь явно что-то есть.

– Наверное, это связано с тем, что кто-то из этих ребят изменил мнение по поводу прослушивания во время подбора исполнителей ролей, – пробубнила я себе под нос.

– Не исключено. Такие вещи, как прослушивания и кастинги, порождают большое количество переходных порталов – ведь существует много вариантов выбора.

– Ощущение такое, будто пользуешься шпаргалкой.

Элиот увеличил изображение и ткнул в экран пальцем:

– Вот здесь, видишь? Кружок увеличивается в размере.

Следом за Элиотом я вышла из кафе и направилась к водяному фонтанчику. Очертания портала были хорошо видны в воздухе, стоило только прищуриться. Я прикоснулась пальцами к экрану телефона и ощутила вибрацию, будто именно в этот момент раздался звонок с отключенным звуком.

– Что породило возникновение данного перехода?

Элиот посмотрел на карту, затем огляделся и в очередной раз поправил пальцем съезжающие с переносицы очки.

– Не могу точно сказать.

– Давай проверим.

Элиот издал испуганный стон:

– Даже не думай! А если нас засекут?

– Кто именно?

В коридоре было почти безлюдно. Если бы даже кто-то увидел, как мы с Элиотом вдруг таем в воздухе и пропадаем неизвестно куда, скорее всего, он решил бы, что издалека

ему это почудилось.

– У меня через пять минут начинаются занятия.

– Через целых пять минут, – возразила я. – И добавь еще три – именно столько времени пройдет, пока все рассядутся по местам. Итого восемь. Готова поспорить, что за восемь минут я сумею определить, в чем дело.

– Послушай, Дэл...

Элиот, который явно чувствовал себя не в своей тарелке, вцепился в смартфон так, что у него побелели ногти.

– Увидимся через восемь минут, – сказала я и проскользнула сквозь портал.

Отраженный мир, в котором я оказалась, выглядел практически так же, как Главный. Его частота звучала довольно гармонично, хотя и отличалась от частоты Главного Мира, словно бы кто-то исполнял скрипичную партию на виолончели. Впрочем, я знала, что со временем, по мере того как события в окружающей меня параллельной реальности будут все больше отклоняться от происходящего в Главном Море, разница в частотах станет более отчетливой.

Я осмотрелась, пытаясь определить, по какой причине мир, куда я перешла, отпочковался от нашего. Вскоре мне это удалось: рядом с водяным фонтанчиком, на том самом месте, где стоял Элиот, я увидела на полу стопку картонных карточек с какими-то пометками. Наверное, они выпали из кармана своего владельца, когда он наклонился над фонтан-

чиком. Я подняла их, и ключ к происшедшим изменениям оказался у меня в руках.

Как я поняла, это были вопросы и ответы для контрольной – химические уравнения, написанные ровным, круглым почерком. Я знала, что если бы на карточках были не химические формулы, а буквы, над *i* вместо точек стояли бы сердечки.

Мне никогда раньше не приходилось искать источник, вызвавший возникновение переходного портала. По этой причине я не знала, должен ли он звучать как-то иначе, нежели остальной отраженный мир, – как и то, должен ли его звуковой сигнал быть стабильным или, скажем, прерывистым. Впрочем, мне казалось, что выяснить это будет нетрудно. Перешагивая через две ступеньки, я бросилась по лестнице вверх в научный отдел.

– Дэл! – предостерегающе окликнул меня сзади Элиот.

– Рада, что ты решился последовать за мной.

– Путешествовать в одиночку опасно, – сказал он, поравнявшись со мной. – А вдруг что-то пойдет не так?

– Ты слишком много беспокоишься.

Факт, что Элиот предпочел в качестве основной специальности профессию навигатора, а не просто Путешественника, объяснялось не только тем, что его мозг напоминал суперкомпьютер. Мать Элиота руководила одним из заведений для престарелых Путешественников, существующих под эгидой Совета, – из тех, в одно из которых моя мама хо-

тела отправить Монти. Элиот вырос, наблюдая за тем, как много здоровья отнимают у Путешественников постоянные переходы из одного мира в другой.

Я взяла Элиота под руку:

– Не забывай, что ты Путешествуешь со мной. А это значит, что наше совместное Путешествие – самое безопасное в мире.

– Как я позволил тебе втянуть меня в это?! – с нотками досады и отчаяния в голосе произнес Элиот, когда мы двинулись дальше.

Устав уклоняться от идущих нам навстречу по коридору людей, он нырнул в боковое ответвление и увлек меня за собой.

– Потому что сопротивляться мне невозможно. Послушай, а кто сегодня устраивает контрольную по химии?

– Доктор Риз, – ответил Элиот. – Я слышал, как кто-то говорил об этом на занятиях по литературе.

– Значит, настало время повидать доктора Риза.

Зазвонил звонок, и мы с Элиотом невольно вздрогнули.

– Мы опоздаем на музыку. Опять. Ненавижу опаздывать, – произнес Элиот.

– Тогда давай поторопимся.

Мы бросились бежать по коридору. Вдруг Элиот остановил меня, схватив за локоть с такой силой, что я едва не упала.

– Послушай, все это займет больше чем восемь минут.

Мимо нас во всех направлениях шли люди. Я старательно избегала соприкосновений с ними, которые могли привлечь к нам с Элиотом их внимание. Через приоткрытую дверь я увидела, как в одной из аудиторий ученики рассаживаются по местам, доставая карандаши, калькуляторы и... ну да, конечно. Картонные карточки. То, что надо!

Доктор Риз в своем обычном лабораторном халате и галстук-бабочке стоял у преподавательского стола. В худых, костлявых руках он держал целую пачку каких-то бумаг.

– Чем быстрее вы займете свои места, тем скорее мы начнем, – уныло промолвил он.

Стопка карточек в моей руке начала вибрировать. Пройдя немного вперед, я заглянула в класс, на сей раз через узкое окошко в стене, и стала внимательно разглядывать обращенные ко мне спины пришедших на контрольную учеников, среди которых преобладали девушки. Восседаая на стульях, они напоминали экзотических птиц с ярким оперением. Исключение составляла лишь одна из них – присев на корточки, она лихорадочно вынимала из своего рюкзака вещь за вещью.

– Бинго. Третий ряд, левая сторона, – прошептала я.

– Великолепно. Наше время истекло, – сказал Элиот, еще раз сверившись с картой, и положил руку на мое плечо.

Я сердито стряхнула ее.

– А если я верну ей карточки? Что произойдет?

– Мы потеряем еще больше времени, и я еще сильнее

опоздаю.

– Пять минут. Учти, мы проводим важный эксперимент.

Элиот выругался себе под нос, но мешать мне не стал.

В аудитории пахло серой. Кроме того, в нем витал отчетливый запах пота людей, испытывающих стресс. Я прошла мимо нескольких девушек, стоящих в очереди за карандашной точилкой, и бросила карточки на пол в футах от рюкзака ученицы, которая их потеряла. Частота, излучаемая ею, явно менялась, сильнее диссонируя с остальными. Вид у девушки с каждой секундой становился все более безнадежным. Я с нетерпением ждала, когда же она наконец заметит пропажу.

Однако паника, похоже, лишила ее способности адекватно воспринимать окружающее. Девушка продолжала шарить обеими руками в рюкзаке. За волной светло-каштановых волос лица ее не было видно, однако она громко хлюпала носом, явно собираясь заплакать. Раздался второй звонок. Элиот, стоя у двери, отчаянно махал мне рукой, указывая на часы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.